

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

VI Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Искаков, И. Б. Кайгородов, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, А. Н. Кошербаева, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Е. В. Матвиенко, Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Искаков Р. М. (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова, Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Ф54 Филологические науки в России и за рубежом : VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июнь 2019 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — СПб. : Свое издательство, 2019. — iv, 28 с.

ISBN 978-5-4386-1733-4

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «Филологические науки в России и за рубежом».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4386-1733-4

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Садокова А.Р.

Представления о богатстве и бедности в японском фольклоре 1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Котова А.В.

«At vobis male sit» и «Orcus» (Catull. 3): стилистический комментарий 4

Морохова О.А., Мокушина А.М.

Юриспруденция и литературное творчество в жизни Вальтера Скотта 5

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Блинова О.А.

Диакритические знаки в современных русском и итальянском языках: происхождение, проблемы и сравнительные особенности 7

Matniyazov A.R.

Qunyat al-Munya and Its Saudi Copies 12

Satibaldiyev E.K.

Semantic Change and Its Sources in the English Language 15

Усманов Ф.Ф.

Устойчивые сравнения как форма реализации лингвокультурной коннотации 16

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Баулина А.А.

Особенности презентации информационного противоборства СССР и Германии в 1941–1945 гг. классическим научно-популярным журналом «Историк» 19

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Abdullaeva S.M.

Peculiarities of Interpretation in Intercultural Communication 22

Петрова В.А.

Готическая фрактра и её особенности при изучении отношения к России немецких ученых XVII–XVIII веков 23

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Представления о богатстве и бедности в японском фольклоре

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В фольклоре каждого народа исстари существовали свои представления о богатстве и бедности. Но, наверное, не в каждой культуре богатство и бедность могут зависеть от конкретного божества, как, например, в Японии, где есть *Бимбогами* — синтоистский Бога бедности.

Принято считать, что его культ имеет давнюю историю. С тех же давних пор сохранились и устойчивые представления о внешнем облике божества: это худой седовласый старик в заплатанных одеждах и с веером в руке, несчастный и голодный. Он любит селиться в бедных домах, думая, что его там дольше не заметят. При этом его появление приводит хозяев еще к большей бедности и неудачам во всем. Бог бедности никогда не афиширует свой приход, а заходит в дом тихонько и прячется в темном месте, где может пребывать незамеченным довольно долго. Большую часть времени он спит, потому хозяева даже не догадываются, что в их доме поселился Бог бедности. В определенной степени это образ несчастного старика, которого, едва обнаружив, начинают с криком гонять по дому, стараясь вытолкнуть наружу.

На этой коллизии построено большинство японских народных сказок, бытовавших практически во всех районах страны. Именно в сказочном фольклоре образ этого божества реализуется особенно ярко. Основным лейтмотивом может считаться нечаянное обнаружение Бога бедности, который тут же начинает слезно просить не выгонять его из дома на холод и во тьму. Но его просьбы только еще больше злят хозяев, которые вступают с ним в перепалку. Несмотря на искреннее негодование хозяев, она всегда выглядит комично и сразу настраивает слушателя или читателя на позитивный лад — понятно, что добрый герой испытывает жалость даже к этому старику, Благородство героя не остается незамеченным. И Бог бедности подсказывает тому способ разбогатеть, а нередко и сам способствует этому. Финал японских сказок о Боге бедности почти всегда одинаков — для героя он становится Богом богатства. Сказки обычно заканчиваются тем, что Бог бедности с благодарностью покидает гостеприимный дом, оставляя хозяев в сытости и достатке.

К хорошим людям он испытывает чувство благодарности и хочет их наградить. Так случилось с добрыми стариками в сказке преф. Яманаси «Подарок Бога бедности», в которой Бог бедности заставляет старика отнести домой тяжелый камень, который оказывается на самом деле слитком

золота [9]. Или в сказке «Письма от Бимбогами», в которой божество в благодарность за то, что тот его не выгнал, предлагает хозяину построить небольшой храм-кумирню, а сам тем временем пишет письма соседям, приглашая тех посетить храм и помолиться Богу бедности. Он обещает принести им богатство в Новом году. Послышав про это, со всей округи приходят люди, которые и приносят Богу бедности монетки [2, с. 46–47].

Интересно, что в ряде сказочных текстов дается объяснение причины появления Бога бедности в доме, среди которых четко выделяются две: неряшливость хозяйки или лень хозяина. Однако если первое не прощается совсем, второе воспринимается достаточно спокойно. Так, например, в сказке «Бог бедности» молодая семья, в которой жена — нерадивая хозяйка — бросает к очагу объедки, не желая их убирать, становится все беднее, пока не обнаруживает в углу старика в грязных лохмотьях, дрожащего от холода. В благодарность за то, что хозяин пустил его погреться у огня, Бог бедности поведал, что поселился здесь, потому что хозяйка неряшлива, но может помочь избавиться от бедности. Главное — прогнать жену, что муж сразу и делает. А дальше Бог бедности дает ему указание ударить длинной палкой проезжающего по улице в окружении своих подданных князя. И когда напуганный хозяин так все-таки поступает, паланкин, в котором ехал князь, превращается в груды золота [5, с. 302–304].

Интересно, что именно эта сказка бытовала в Японии в большом количестве вариантов. Трудно сказать, текст какой префектуры Японии выбрала для перевода в свое время В. Н. Маркова, но варианты этой сказки получили распространение в преф. Кагава под названием «Бог бедности, наградивший счастьем» и в преф. Хёго под названием «Лентяй и Бог бедности». Тексты заметно различаются в деталях описания проезжающей процессии, но герой из преф. Кагава, у которого в доме виной всех несчастий является неряшливая хозяйка, получает-таки от Бога бедности богатство, а герой из преф. Хёго, который даже ради своего обогащения не смог побороть лень, остается навсегда жить под одной крышей с Богом бедности [6; 8].

Известны также тексты, сюжет которых хорошо известен японскому фольклору, но вместо Бога бедности в сказках на этот сюжет действуют совсем другие персонажи, в основном демонические. Сказки построены на обмане человеком оборотня. Тот хочет выяснить, чего больше всего

на свете боится человек, и в порыве откровенности называет то, чего боится сам. Тогда человек в качестве предмета своего страха называет деньги, золото или еду. Оборотень заваливает человека «страшными» предметами, а когда человек приносит ему то, чего боится сам оборотень, тот пугается и исчезает. Интересно, что в преф. Кагава также бытовала сказка на этот сюжет, но персонажем, с которым вступил в борьбу человек, был Бог бедности. Человек, конечно, называет в качестве «страшного» предмета золото, а Бог бедности еду, которую ему человек и приносит. Обращает на себя внимание название этой сказки — «Сэцубун и Бог бедности». В ней события происходят в праздник наступления весны Сэцубун, в тот самый день, когда принято выгонять злых духов из дома и приглашать счастье. То есть Бог бедности рассматривается как злокозненное начало и приравнивается к чертям-они [7].

Уже в период Эдо (XVII—XIX вв.) Бог бедности, как фольклорный персонаж «перебрался» в народные «смешные рассказы»-*вараибанаси*, многие из которых напоминали анекдоты и имели ярко выраженную «ударную» концовку. Например, известна история о бедном человеке, который никак не мог выбраться из нужды. Тогда он понял, что в его доме поселился Бог бедности, но не мог найти его, чтобы выгнать. Подумав, бедняк решил задобрить божество и стал подносить ему часть своей скромной трапезы. Еда пропадала, но богаче человек не становился. Даже наоборот — дела его шли все хуже и хуже. Вконец расстроенный, в сердцах он воскликнул: «Как же тебе не стыдно! Я кормлю тебя уже целый год, а становлюсь все беднее и беднее!». На что вдруг услышал ответ: «Да понимаешь... Тут такое дело... Рад бы я тебе помочь, но уж очень хорошо и сытно в твоём доме. Вот и решил я жену с детишками сюда привести...» [3, с. 36].

Что же касается культа Бога бедности в японской народной культуре, то отношение к этому божеству всегда было настороженным, а потому в обрядах, в отличие от сказочной прозы, никакого излишнего веселья и панибратства не позволялось. Тем более что сам культ всегда считался специфическим: крайне редки случаи, когда Богу бедности молятся в повседневной жизни — о нем вспоминают лишь тогда, когда возникают какие-то материальные проблемы.

Известно несколько версий формирования системы представлений о Боге бедности. Как считает видный японский этнограф Кавагути Кэндзи, Бог бедности может рассматриваться как одна из ипостасей Бога чумы или Бога Болезней (*Экибёгами / Якубёгами*), культ которого известен еще с эпохи Нара (VIII в.) и относится к культам *горё*: — культам мстительных богов; ими становились погибшие воины, потерпевшее поражение в бою. Уже в эпоху Хэйан (IX—XII вв.) утвердилось представление о том, что Бог чумы появляется в период, когда опадают цветы сакуры. Не исключено, что это было связано с тем, что с весенним потеплением действительно более активно начинали распространяться эпидемии разных болезней. В любом случае обращает на себя внимание тот

факт, что все синтоистские праздники и обряды, связанные с Богом чумы или Богом бедности, и сегодня проводятся сразу после цветения сакуры.

Центром проведения обряда подобного рода сегодня остаются два синтоистских храма. Это храм Оомива дзиндзя в г. Нара и храм Имамия дзиндзя в г. Киото. Но именно в Киото этот праздник отмечается особенно широко, относится даже к трем самым известным синтоистским праздникам Киото и считается национальным сокровищем. Он проводится каждый год во второе воскресенье апреля и ставит своей целью изгнание Бога болезней и Бога бедности. Название праздника — Ясурай хана-но мацури — содержит в себе просьбу к цветам не опадать. Именно поэтому на празднике преобладает цветочная символика. Известно даже несколько примет, связанных с этим днем: «Если в день этого праздника ясно, то и все праздники в Киото в этом году будут проходить при ясной погоде», «Если надеть на праздник шляпу, украшенную цветами сакуры и камелии, весь год будет богатым», «Если по дороге на праздник встретишь ребенка в цветочной шляпе, болезни пройдут стороной» [1, с. 267].

Достопримечательностью праздника являются выступления танцоров в костюмах мстительных духов, исполняющих неистовый танец, и огромные ярко-красные зонты-купола, с которыми служители храма ходят около танцующих «духов». Эти зонты символизируют цветы, которые не только не опадут, а, значит, не подпустят к людям болезни и бедность, но своей красотой усмиряют силы зла, которые, раскаявшись, то ли сядут на эти цветы, то ли превратятся в них. Все это действие происходит на улицах Киото, и только когда процесс «усмирения мстительных духов» завершен, зонты-купола с «поверженным» Богом чумы и Богом бедности заносят на территорию храма.

Однако понятно, что культ Бога бедности, который изначально был связан с культом Бога чумы, со временем стал представлять собой совершенно самостоятельное явление. И именно Богу бедности посвящено в Японии, по крайней мере, пять храмов.

Один из них — небольшой храм Оода дзиндзя находится в Токио в районе Бункёку. О происхождении храма повествует широко известная народная легенда о превращении Бога бедности в Бога счастья. Рассказывается, что когда-то в окрестностях храма жил бедный самурай, который никак не мог выбраться из нужды. И вот однажды к нему во сне явился старик в заплатанных одеждах и сказал, что он Бог бедности и что он очень славно провел последние в годы в этом гостеприимном доме, где его никогда не гнали и не ругали. В благодарность за такое хорошее отношение он хочет отблагодарить своего хозяина. Но просит приносить ему трижды в месяц — в первый, пятнадцатый и двадцать пятый день — красные бобы и жареный соевый творог *тофу*. Бедный самурай стал исправно выполнять просьбу Бога бедности, и потихоньку его дела стали налаживаться, да так, что вскоре он разбогател. Слух о превращении Бога бедности в Бога богатства быстро

распространился по всему Эдо и все стали приходить в этот храм и просить Бога бедности даровать богатство. Приходят и сегодня. При этом указаний на то, что первое, пятнадцатое и двадцать пятое число по-прежнему имеют какое-то магическое значение, не сохранилось, как и обычай подношение бобов и тофу. В этом храме также сохранилось представление о необходимости проведения обрядов предотвращения несчастий после цветения сакуры, и потому основные чествования Бога бедности проходят 31 марта.

Сохранилось и боязливое отношение японцев к этому божеству. Даже современные японцы полагают, что просто

так просить богатства неприлично, надо расстаться с Богом бедности «по-хорошему», «по-доброму». Существует определенный «этикет» обращения к Богу бедности. Принято говорить так: «Уже давно меня одолевают неприятности (давно нет у меня денег; давно я испытываю трудности) ... Я, конечно, очень чту тебя, Бог бедности, но я уже наслаждался нашим тесным общением, нашей дружбой, давай уже расстанемся! Прощай!» [4, с. 207].

Считается, что такая вежливая форма расставания с Богом бедности должна быть результативной и должна привести к *кайун* — «повороту судьбы к лучшему».

Литература:

1. Кавагути Кэндзи. Нихон-но камисама дзитэн. Ёми токи (Энциклопедия японских синтоистских божеств. Чтение, толкование). Токио: Касивасёбо, 2001.
2. Письма от Бимбогами. Японская сказка. Пер. с япон. А. Садовой // Новогодняя кругосветка. 33 истории со всего света. М.: Аст, 2017.
3. Сато Вакико. Тиисана варай банаси (Маленькие смешные рассказы). Токио: Попурася бунко, 1985.
4. Тобэ Тамио. Таномарэру камисама. Дайдзитэн (Божества, которым доверяют. Большая энциклопедия). Токио: РНР кэнкюдзё, 2007.
5. Японские народные сказки. В 2-х т. Т. 2 / Пер.с яп. и сост. В. Марковой; примеч. В. Марковой, А. Садовой. М.: Книжный клуб Книговек, 2015.
6. URL: http://minwa.fujipan.co.jp/area/kagawa_005/ (Дата обращения 27.05.2019).
7. URL: http://minwa.fujipan.co.jp/area/kagawa_006/ (Дата обращения 27.05.2019).
8. URL: http://minwa.fujipan.co.jp/area/hyogo_003/ (Дата обращения 27.05.2019).
9. URL: http://minwa.fujipan.co.jp/area/yamanashi_012/ (Дата обращения 27.05.2019).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

«At vobis male sit» и «Orcus» (Catull. 3): стилистический комментарий

Котова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины

В статье рассматриваются выражение At vobis male sit и слово Orcus, встречающиеся в третьем стихотворении сборника Катуллы, и проводится анализ их использования и влияния на тон стихотворения.

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, carmen 3, стилистика.

Гай Валерий Катулл относится к античным авторам, чьи тексты с стилистической точки зрения исследователи оценивают по-разному и нередко усматривают иронию или комический эффект. В данной статье проводится анализ употребления выражения At vobis male sit и слова Orcus из третьего стихотворения сборника с целью определения их влияния на тональность текста.

Комментаторы отмечают, что at в стихе 13 подчеркивает резкую перемену адресата. Этот союз часто используется в проклятиях [1, р. 94; 7, р. 209]: например, at vos quo lubet hinc abite (Catull. 27, 5); at vobis mala multa di deaeque / dent (28, 14: «пусть вам пошлют много бед боги и богини»); at te Iuppiter dique omnes perdant (Plaut. Mos. 38–39). В. Кролль замечает, что проклятия Аиду — это топос тренодических стихотворений, однако в данном случае приписывает словам male sit «легкий комический эффект», так как такие «пожелания» Орку не могут быть исполнены [3, S. 7].

Само по себе употребление проклятий не позволяет однозначно определить стилистический характер текста: они встречаются как в патетически-возвышенной («о, будь проклят»), так и в разговорной речи («чтоб тебя»). Поэтому в данном случае необходимо определить коннотации конкретного катулловского словосочетания. Так как электронный поиск в латинском Тезаурусе показал, что «vobis male sit» встречается только в Catull. 3, мы рассмотрим другие варианты употребления комбинации этих слов (адресат варьируется).

Проклятие male sit (+ dat.) встречается в письмах Цицерона (Att. XV, 15, 1: L. Antonio male sit, si quidem Vuthroitiis molestus est! — «Пусть будет проклят Луций Антоний, раз он гнетет бутротцев!»), у Овидия (Ars I, 602: Et bene dic dominae, bene, cum quo dormiat illa; / sed, male sit, tacita mente precare, viro — «Говори хорошее госпоже и тому, с кем она делит ложе, а про себя проклинай: “Чтоб ему пусто было!”»), несколько раз в комедии (Plaut. Curc. 563: Bene vocas, verum locata res est — ut male sit tibi — «За приглашение спасибо, но чтоб пусто тебе было»; 588: ego abeo, vale atque salve. — Male vale, male sit tibi — «Я ухожу, будь здоров и прощай. — Чтоб

тебя, пусть пусто тебе будет»). В басне Федра (App. 23) ворон, безостановочно кричащий «здравствуй!», вынуждает путника то и дело останавливаться и недоуменно оглядываться. Наконец поняв, в чем дело, путник раздражается бранью: «at male tibi sit <...>, ales pessime, / qui festinantis sic detinuisti pedes».

На основании этих примеров мы можем сделать вывод о том, что выражение at vobis male sit в Catull. 3, 13 является разговорным элементом. Однако это оставляет открытым вопрос об эмоциональной окраске: сильное, выходящее за пределы условно-поэтического языка проклятие может свидетельствовать не только об иронии, но и, наоборот, о сильном чувстве. Ярким примером может служить carm. 11, где нарочито грубая лексика (cum suis vivat valeatque moechis; ilia gumprens) резко контрастирует с эпически-возвышенным стилем первых строф, а затем сменяется лирической концовкой (заимствованное у Сапфо сравнение со срезанным цветком). Этот стилистический разнотон не превращает стихотворение в пародию, но, напротив, является знаком смятения лирического героя, удостоверяя подлинность его чувств.

Что касается Orcus (Catull. 3, 14), ряд комментаторов отмечают в нем особую торжественность [1, р. 94; 6, р. 99]; В. Кролль [3, S. 7] и Д. Томсон [7, р. 210] считают, что выражение tenebrae Orci рядом с at vobis male sit создает здесь пародийный эффект.

Орк представляет собой подземное божество римской религии (в отличие от Дита, который заимствовал свое имя и сущность у греческого Плутона). Что касается словоупотребления, то двойственная стилистическая характеристика Orcus ярко проявляется при интерпретации дилетантских стихов, которые произносит Тримальхион на пиру в романе Петрония «Сатирикон»: eheu, nos miseros, quam totus homuncio nil est! / sic erimus cuncti, postquam nos auferet Orcus. / ergo vivamus, dum licet esse bene (Petr. 34, 10: «О мы несчастные! Насколько человечешко ничтожен! Будем мы все такими после того, как заберет нас Орк. Поэтому давайте жить хорошо, пока можно»). Комизм этих строк — в несоответствии «глубокомысленного» содержания и неумелого выражения: просторечные homuncio

и dum licet esse bene контрастируют с напыщенным eheu, nos miseros. К какому из двух этих разрядов отнести употребление Orcus?

С одной стороны, Orcus часто встречается в эпосе, начиная с Энния (Ann. 564 Skutch: nam me gravis impetus Orci / percutit — «Ведь меня поражает тяжелый натиск Орка»; ср. также Lucr. I, 115; V, 996; VI, 762; Verg. Aen. II, 398; IV, 242, 699; VI, 273; VIII, 296; IX, 527, 785; Georg. I, 277; IV, 502; Ov. Met. XIV, 116; Luc. VI, 715; Stat. Theb. XII, 434; Val. Flacc. I, 784), в «Одах» Горация (I, 28, 10; II, 3, 24; 18, 30, 34; III, 4, 75; 11, 29; 27, 50; IV, 2, 24), любовной элегии (Lygd. apud [Tib.] III, 3, 38; Prop. III, 19, 27) и других образцах высокой поэзии. Этим пассажам, однако, противостоят многочисленные примеры, близкие к народному языку: quin ob eam rem Orcus recipere ad se hunc noluit, / ut esset hic qui mortuis cenam coquat (Plaut. Pseud. 795: «Поэтому Орк даже не захотел к себе его [скверного повара] впустить, чтобы он готовил усопшим обед»); quo die Orcus Acherunte mortuos amiserit (Plaut. Poen. 344: «В день, когда Орк выпустил мертвецов из Ахеронта»); itaque quamdiu vixerit, habebit stigmam, nec illam nisi Orcus delebit (Petr. 45, 9: «Итак, сколько будет жив, будет заклемен, и только Орк сотрет клеймо»); quod si resilierit, destinavi illum artificium docere, aut tonstrinum

aut praesonem aut certe causicum, quod illi auferre non possit nisi Orcus (Petr. 46, 8: «Если от этого откажется, отправлю его учиться ремеслу: или в цирюльники, или в глашатаи, или же в стряпчие — этого у него никто, кроме Орка, не сможет отнять»); erat autem miles, fortis tamquam Orcus (Petr. 62, 3: «а он был солдат, сильный, как Орк»); и т. д.¹

В сатм. 3, 14, как отмечают комментаторы, Orcus метонимически обозначает подземное царство, а не самого его правителя [4, р. 8; 3, S. 7; 2, р. 230]; однако согласно реконструкции Г. Петера [5, Sp. 940–941] это не метонимия, а первоначальное значение слова. Подобное употребление встречается еще в целом ряде мест и характерно как для комедии, так и для эпоса².

Итак, слово Orcus в сатм. 3, 14 не вызывает никакого комического эффекта; как было отмечено, даже у Плавта и Петрония Orcus встречается в контекстах, не предполагающих ни иронии, ни имитации высокого стиля. Общеупотребительное именование бога подземного царства само по себе не настолько торжественно, чтобы создавать пародийный контраст с разговорным At vobis male sit.

¹ См. также Plaut. As. 606; Bac. 368; Capt. 283; Mos. 499; Epid. 176, 363; Ter. Hec. 852, 875.

² Plaut. As. 606; Bac. 368; Ter. Hec. 852, 875; Verg. Aen. II, 398; VI, 273; Luc. VI, 715; Val. Fl. I, 784; Apul. Met. VIII, 12; etc.

Литература:

1. Fordyce C. J. Catullus: A Commentary. — Oxford: Oxford University Press, 1961. — 422 p.
2. Catullus / Ed. with introd., transl., and notes by G. P. Goold. — London: Duckworth, 1983. — vi, 264 p.
3. C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. — Leipzig; Berlin: Teubner, 1929. — xii, 299 S.
4. Catullus / Ed. E. T. Merrill. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893. — 336 p.
5. Peter R. Orcus // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. H. Roscher. Bd 3, 1. — Leipzig, 1897–1902. — Sp. 940–945.
6. Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. — London: Macmillan Classical Series, 1973. — xli, 460 p.
7. Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. — Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2003. — xii, 578 p.

Юриспруденция и литературное творчество в жизни Вальтера Скотта

Морохова Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент;

Мокушина Анастасия Михайловна, курсант

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В данной статье исследуются материалы биографии Вальтера Скотта, в жизни которого тесно переплелись литературное творчество и судебная практика.

Вальтер Скотт — всемирно известный шотландский писатель, поэт, историк и юрист родился 1 августа 1771 года в Эдинбурге, в семье адвоката Вальтера Скотта и Анны Резерфорд. Его романы были очень популярны в России.

Уже в детстве В. Скотт удивлял всех своими умственными способностями и уникальной памятью, несмотря на слабое

здоровье. Всё что он видел и слышал, моментально отпечатывалось в его сознании. В будущем, чтобы написать роман или рассказ, ему не приходилось изучать горы литературы — огромный запас знаний был у него в уме [1].

В 1785 г. Вальтер Скотт поступил в Эдинбургский колледж, где приобрел много друзей. Среди них В. Скотт слыл

увлекательным рассказчиком, т. к. любил читать сказания о родной стране и исторические романы и много знал об истории Шотландии. В. Скотт участвовал в деятельности эдинбургских дискуссионных клубов, где велись споры по разным научно-философским и литературным вопросам. Он был казначеем и секретарем самого известного эдинбургского клуба «Speculative Society» [1].

В. Скотт работал в конторе своего отца и одновременно с 1789 по 1792 гг. учился на факультете права Эдинбургского университета, готовясь стать адвокатом. Благодаря своему образованию В. Скотт стал почтенным человеком с престижной профессией, имел свою юридическую практику, публиковал статьи по юридическим вопросам. Он был опытным правоведом, особенно в вопросах шотландского права, что впоследствии пригодилось ему в его литературной деятельности.

В это же время Скотт вместе с сокурсниками создал «Поэтическое общество», стал изучать немецкий язык и перечитывать великие творения немецких писателей. Его первыми пробными произведениями стали стихотворения «Буря» и «Извержение Этны», а также поэма «Гвискар и Матильда» [1].

Во время своей адвокатской практики В. Скотт ездил по стране, попутно собирал народные легенды и баллады о шотландских героях прошлого.

В 1792 г. Вальтер получил звание барристера — высшее адвокатское звание в Англии. В октябре 1793 г. В. Скотт впервые выступал в качестве защитника в уголовном процессе. Одновременно с этим он выступал в дискуссионных клубах по вопросам парламентской реформы и неприкосновенности судей. В 1795 г. В. Скотта, как человека наиболее осведомленного в вопросах литературы, назначили хранителем библиотеки эдинбургской корпорации адвокатов.

В это же время В. Скотт занимался переводами немецких поэтов, был опубликован его перевод баллады Бюргера «Леонора».

В 1799 г. В. Скотт был назначен на должность шерифа в округе Селкиркшир.

В 1802 г. он выпустил избранные баллады «Песни шотландской границы», которые привели его к известности. В 1805 г. он создал свою поэму «Песнь последнего менастреля», которая также нашла одобрение у читателей. Уже тогда была видна его сильная творческая сторона — Вальтер мог увлечь своим даром рассказчика и не оставить равнодушным к своему произведению.

В 1806 г. его назначили одним из главных секретарей Верховного суда Шотландии по гражданским делам, и эту обязанность он нес до последних дней жизни. В те же годы Скотт издал огромное количество своих произведений, а также томов других писателей. Теперь он жил в арендованном доме у реки Туид.

С выходом первого романа «Уэверли» в 1814 г. в писательской деятельности писателя наступил новый виток. В произведении присутствует шотландская история, но в этом романе автор смог полностью раскрыть свой дар рассказчика, используя шотландские диалекты.

Его средневековый роман «Айвенго», вышедший в 1819 г., стал вершиной в творческой деятельности писателя. В следующем году Вальтер Скотт был удостоен звания баронета. Тогда же его дочь София вышла замуж за Дж. Г. Локкарта, который позже написал биографическую книгу о Скотте.

В. Скотт был яркой личностью, патриотом, аристократом и тружеником. Он сделал блестящую юридическую карьеру и оставил поколению читателей неоценимое художественное наследие.

Литература:

1. Краткая летопись жизни и творчества Вальтера Скотта [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.lib.ru/PRIKL/SKOTT/scott0_2.txt
2. Реизов, Б. Г. Вальтер Скотт [Электронный ресурс] // Собр. соч. в 20-ти томах / Под общей редакцией Б. Г. Реизова, Р. М. Самарина, Б. Б. Томашевского. Т. 1. М. — Л., 1965 Режим доступа: http://www.lib.ru/PRIKL/SKOTT/scott0_1.txt.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Диакритические знаки в современных русском и итальянском языках: происхождение, проблемы и сравнительные особенности

Блинова Ольга Алексеевна, доцент

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Диакритическими знаками в лингвистике называют специальные знаки, которые представляют собой надстрочные, подстрочные, реже внутри строчные графические дополнения к основным письменным знакам, отображающим звуки языка. Диакритический в переводе с древнегреческого языка «*δια-κρίτικός*» означает «служащий для различения». Другими словами, в буквенных и слоговых, т. е. состоящих из рун или иероглифов, системах письма диакритические знаки издавна использовались не для самостоятельного обозначения звуков языка, а для корректировки их произношения.

Термин «диакритический знак» существует не только в лингвистике, но также и в типографике, которую рассматривают как искусство оформления печатного текста, базирующееся на определённых, присущих конкретному языку правилах, посредством набора и вёрстки. В типографике диакритический знак рассматривают как один из элементов письменности, который дополняет начертание основных знаков языка и, как правило, набирается отдельно. Действительно, хотя нередко диакритический знак отделен от буквы, он всё же составляет с ней одно целое и относится к системе графического отображения звуков языка, а не к элементам пунктуации. Ведь пунктуация — это способ разделения и структурирования слов в предложениях. Стиль и характер знаков пунктуации может не соответствовать стилистическим принципам начертания букв. Что неприемлемо с точки зрения начертания диакритических знаков, которые должны гармонизировать с буквами, к которым они относятся, так как их цель в уточнении смысла или звучания словоформ языка.

В условиях современного многоязычного цифрового мира, глобализации типографического рынка и увеличивающегося интереса людей к самостоятельному созданию шрифтового дизайна с использованием разных языков — вопрос о корректном использовании диакритических знаков становится всё более актуальным. Четкое понимание в этом вопросе теперь необходимо не только для лингвистов, печатников и дизайнеров, но и для простых пользователей компьютерных технологий по всему миру, обменивающихся электронными сообщениями на различных языках.

Цель этой статьи — рассмотреть историю происхождения и основные проблемы диакритических знаков

в итальянском и русском языках в сравнении с другими европейскими языками, использующими латинский или русский алфавит в качестве основы; а также дать объяснение некоторым особенностям использования диакритических знаков в современном итальянском и русском языках.

Совокупность диакритических знаков какого-либо языка носит название «диакритика», а для обозначения одного диакритического знака принято также использовать термин «диакритик». К диакритике прибегают, когда букв алфавита становится недостаточно для передачи звуков речи или же возникает необходимость в разделении смысла одинаковых словоформ. Самый простой способ отобразить новый звук или звуковой оттенок — это придумать новую букву. Так, например, в немецком языке возникла лигатура эсцет «*ß/β*» из знаков «*fz*» и «*fs*» для отображения такого феномена как «*S острое*». В других языках договорились использовать сочетания двух (диграммы), трёх (триграммы) и более букв для обозначения нового звука. Например, звук [ʃ] в европейских языках, соответствующий русскому звуку [щ], передаётся во французском и португальском языках диграммой «*ch*», в английском языке уже диграммой «*sh*», а в немецком языке триграммой «*sch*». Ну и третий вариант — это использовать добавочные элементы, т. е. диакритические знаки, при начертании основных знаков языка. В примере со звуком [ʃ], который передаётся в русском языке буквой «щ», в некоторых финно-угорских, балтийских и славянских языках обозначается буквой «š», т. е. буквой «s» с диакритическим знаком «*caron*» над буквой. В целом, диакритики употребляются как с гласными, так и с согласными буквами. Основным недостатком диакритических знаков — это загромождение письма мелкими, но важными дополнениями к написанию буквы, опущение которых ведёт к ошибкам. Существуют языки, где диакритические знаки крайне малочисленны (например, русский язык, где в настоящее время используются только две буквы с диакритическими знаками — это «*ё*» и «*й*») или можно считать, что не используются совсем. Например, считается, что в английском языке они отсутствуют, если только не считать точку над буквами «*i*» и «*j*» за диакритический знак.

Помимо исторической тенденции к использованию диакритических знаков при каком-либо изменении звукового

стройка языка, требующего корректировки звучания буквы, в последнее время наблюдается противоположная тенденция опущения или замены букв с диакритическими знаками на буквосочетания. Например, в современном немецком языке вместо буквы «ö» повсеместно стали печатать буквосочетание «oe». Другими словами, букву «o» с *умляутом* стали заменять на диграмм «oe» в текстах, напечатанных на компьютере, так как в стандартной программе компьютера и на стандартной клавиатуре с латиницей отсутствовал вариант буквы «o» с *умляутом*. Но при появлении более продвинутых версий компьютерных программ, поддерживающих *умляут*, это явление затормозилось.

Тревожащей является и другая тенденция, меняющая устоявшийся мир диакритических знаков. В последние годы в некоторых европейских языках один диакритический знак стали заменять на другой. Например, в итальянском языке букву «é» с диакритическим знаком «акут» стали заменять буквой «è» с диакритическим знаком «гравис». Вместо слова «*perché*» со значением «почему или потому что» стали использовать слово «*perchè*» в том же самом значении, хотя базовыми смыслами этого слова являются «зачем, отчего, для чего, так как». Причина всё та же: отсутствие соответствующего знака в компьютерной программе или на клавиатуре. Но при распространении усовершенствованных версий компьютерных программ и клавиатур, поддерживающих написание этой буквы с разными диакритическими знаками, это явление значительно уменьшилось. Но не исчезло, так как это упрощение понаравилось многим пользователям. Этот симптом неутешителен, так как подобное упрощение ведёт к сокращению не только диакритических знаков, но и звуков и смыслов языка, усилению омонимии и, в конечном итоге, деградации языка.

Итак, когда же появились диакритики? Согласно историческим данным, самыми древними диакритическими знаками являются знаки ударения и придыхания, появившиеся в древнегреческом языке. Их изобретение приписывается Аристофану Византийскому, знаменитому древнегреческому филологу и грамматiku, четвертому библиотекарю Александрийской библиотеки.

Необычным является то, что в современных реалиях, наиболее частотное использование диакритических знаков отмечено не в греческом, а преимущественно в языках, базирующихся на латинском алфавите. Это вызвано тем, что в классическом латинском языке не было шипящих звуков, носовых гласных, палатализованных (смягчённых) согласных, которые имелись в других языках, особенно у славянской группы. Хотя, ради справедливости, стоит отметить, что в современном итальянском языке не всегда измененное звучание букв латинского алфавита корректируется при помощи диакритиков. В отличие от других романских языков, наследников латинского языка, в итальянском языке возможна передача шипящих звуков чисто позиционно при помощи сочетаний букв без диакритических знаков. Например, в слове «*ciao*» [чао] в значении

«привет» диграмма «*ci*» означает шипящий звук [ч], а в слове «*sci*» [щи] в значении «лыжи» использование диграммы «*sc*» перед гласной буквой «*i*» передает шипящий звук [щ] в сочетании с гласным звуком [и].

В итальянском, французском и португальском языках особенно сильно были утяжелены диакритиками гласные буквы: *ê, è, é, ë, ï, î, ã, à, ò, ù*. Например: в итальянском слове «*virtù*» от лат. *virtus* (добродетель) гласный «*u*» утяжелён диакритическим знаком «*gravis*»; или во французском слове «*île*» от лат. «*insula*» (остров) гласный «*i*» утяжелён диакритическим знаком «*circumflexus*». Испанский же язык отличился особой согласной, которую смягчил диакритический знак — это «*ñ*», т. е. буква «п», подкорректированная надстрочным знаком «~» *тильда*. Это новое написание возникло вследствие «двухэтажного» написания двух букв «п» в латинских словах типа «*annum*» (год). В современном итальянском языке это слово осталось с удвоенной буквой «п» в виде «*anno*», а в испанском имеет вид «*año*», где надстрочный диакритический знак тильда передаёт долгое и смягченное звучание буквы «п». В итальянском языке тоже появился палатализованный (смягчённый) согласный звук [ñ], похожий на русский палатализованный согласный звук [н'], отображаемый в русском языке двумя буквами «н» и «ь». Но в итальянском языке его передаёт не диакритический знак тильда, как в испанском языке, а сочетание двух букв «gn» с тем же самым звучанием [ñ] или [н']. Например, в итальянском слове «*signore*» [син`орэ] в значении «господин».

Ввиду большого разнообразия целей, форм и способов начертания диакритических знаков, пока не существует их единой общепринятой классификации. Однако есть несколько базовых параметров, в соответствии с которыми все диакритические знаки можно разделить на несколько групп.

1. По способу начертания все диакритики делятся на знаки, свободно приставляемые к основному буквенному символу и знаки, меняющие форму буквы. Например, в русском алфавите свободно надписываемое над буквой *двоеточие* для буквы «ë» не меняет форму буквы «е», а в латинице приписываемый к букве снизу хвостик, называемый «*ogonek*», для передачи носового гласного «e», меняет форму исходной буквы «е».

2. По месту начертания все диакритики подразделяют на надстрочные, подстрочные и внутри строчные знаки. Например, в расширенной латинице существуют три варианта буквы «o» с надстрочными, подстрочными и внутри строчными диакритиками: «*ô*», «*o*» и «*ø*».

3. По фонетико-орфографическому параметру можно условно выделить четыре подгруппы диакритиков. Правда эту классификацию вряд ли можно назвать полной, т. к. основания для классификации не являются взаимоисключающими:

а) знаки, полностью меняющие смысловое и звуковое содержание буквы, установленные в алфавите. Сравните: чешские согласные «*z*» и «*ž*»;

б) знаки, уточняющие варианты произношения какого-либо звука. Например, в итальянском языке знаки «острого» (*акум*) и «тяжёлого» (*гравис*) ударения выступают в качестве уточняющих количественные параметры звука (такие как длительность, сила и высота): сравните просто букву «е» с утяжелением в виде знака *акум* «*é*» или знака *грависа* «*è*»;

с) знаки, указывающие на то, что буква сохраняет своё стандартное значение в таком окружении, когда её звучание должно меняться. Например, подкорректированная диакритиком «*tréma*» французская буква «*ï*»;

д) знаки, имеющие только орфографическое значение, но не влияющие на произношение: знаки, позволяющие предупредить омографию. Например, в итальянском языке диакритический знак ударения (*гравис*) меняет слово «*si*» в значении «себя» на слово «*sì*» в значении «да»;

4. По обязательности использования в языке выделяют две подгруппы:

а) диакритические знаки, отсутствие которых делает текст орфографически и семантически неверным;

б) диакритические знаки, используемые только в особых обстоятельствах: в священных текстах, в редких словах с неоднозначным чтением, в книгах для начального обучения чтению и т. п. Например, в словарях и книгах по обучению итальянскому языку для выделения ударной гласной в слове используется буквенное подчеркивание. Сравните: «*abito*» в значении «я живу» и «*abitò*» в значении «он жил».

5. По формальному статусу диакритики делят также на две подгруппы:

а) диакритические знаки, с помощью которых образуются новые буквы алфавита (их иногда называют модификаторами согласно западной терминологии, а не собственно диакритическими знаками);

б) диакритические знаки, соединение букв с которыми не рассматривается как отдельная новая буква, а только её модификация (такие диакритики не влияют, как правило, на порядок алфавитной сортировки).

Существуют и ряд других объективных трудностей, помимо классификации, которые создаёт использование диакритических знаков. Первая трудность состоит в том, что одинаково выглядящие диакритические знаки иногда могут иметь различное назначение, статус или название в разных языках и системах письма.

Вторая трудность, и это самое неприятное, состоит в неверности и зыбкости критериев, на основании которых диакритические знаки принято выделять в особую группу, отрывая их от буквы. Отнесение того или иного элемента графической системы к диакритическим знакам в значительной мере условно. Так, в современной русской системе письма можно найти диакритики разной степени бесспорности. Например:

1) Бесспорным диакритическим знаком является надстрочный чашеобразный знак «*кратка*» (также называемый «*бреве*» или «*дуга́*») над буквой «*и*» русского алфавита. Он образует новую букву «*й*» и никогда не опускается;

2) Две точки над буквой «*е*» образуют новую букву «*ë*» и являются диакритическим знаком, но часто опускаются;

3) Надчеркивание буквы *т* (*т*) и подчёркивание буквы *ш* (*ш*) при письме от руки можно расценивать как исторически принятые диакритические знаки в виде надстрочной и подстрочной горизонтальной линии, предназначенные для того, чтобы различать похожие на вид в рукописном варианте буквы *т* (*т*) и *ш* (*ш*);

4) Знаки ударения в словах русского языка не образуют новых букв и ставятся только в редких случаях. Их можно расценивать как факультативные просодические диакритические знаки;

5) Буква мягкий знак «*ь*», как таковая, может рассматриваться не только как буква, но и как внутри строчный диакритический знак, предназначенный для палатализации, в позиции после предыдущей согласной;

6) Значок в виде хвостика у буквы «*щ*» является неотъемлемой частью буквы, но может быть воспринят как диакритический знак, меняющий звучание буквы «*ш*», при формальном анализе и сравнении букв алфавита.

Что касается диакритических знаков, принятых в современном итальянском алфавите, то и там ситуация такая же неоднозначная. Есть сложности, вызванные историческими причинами. Так согласно современной традиции, в итальянском языке больше не используется ударение, называемое в латинском языке «*l'accento circonflesso*». *Циркумфлекс* или облечённое ударение было одним из трёх музыкальных ударений, пришедших в латинский алфавит из греческого языка. Два других музыкальных ударения — *гравис* и *акум* — остались в итальянском языке. А *циркумфлекс*, передававший подъём и последующее понижение голоса, был забыт. Точно также как был забыт диакритик «*dièresi*» (лат. «*dia aigeo*» от греческого «*διαίρεσις*» в значении «разделяю, произношу по отдельности»). *Диерезе* или *диерезис* указывает на раздельное произнесение двух гласных букв и препятствует образованию дифтонга. Сравните: лат. «*sapiēntia*» [sapi'entsa] и ит. «*sapiēntia*» [sa'pjentsa] в значении «мудрость». В первом случае буква «*i*» со знаком *диерезе* произносится полностью как звук [i], во втором случае, без *диерезе*, буква «*i*» составляет часть восходящего дифтонга и произносится ослабленно как [j]. Диакритические знаки *циркумфлекс* и *диерезе* теперь можно встретить только в исторических или поэтических текстах на итальянском языке.

Кроме того, есть сложности меньшего масштаба, в частности для носителей русского языка, состоящие в том, что нет однозначно установленных русских терминов для большинства диакритических знаков. В настоящее время известны и используются три системы, согласно которым проводят различия и дают названия диакритическим знакам в европейских языках.

1. Традиционная система, принятая в филологии, где у одинакового по форме знака может быть много названий в зависимости от того, о каком языке идёт речь. Например, одно и то же надстрочное двоеточие применительно

к немецкому языку будет названо «умляют», во французском оно трактуется как «трема», в итальянском известно как «диерезе», ну а в русском используется под термином «две точки»;

II. Образная система, согласно которой название диакритическому знаку даётся по приблизительному описанию формы. Например, «птичка», «шапочка», «крючок», «хвостик» и т. п.;

III. Система названий, принятая в Юникоде. Она уподоблена английской компьютерной терминологии и является, к сожалению, достаточно условной, неоднозначной и структурно противоречивой. Например, диакритический знак итальянского тяжёлого ударения «гравис» в системе Юникода имеет следующее обозначение «U+0300».

Итак, какие диакритики используются в современном итальянском языке? Основными и самыми бесспорными диакритическими знаками в современном итальянском языке являются знаки *гравис* и *акут*. Эти знаки пришли в итальянский язык (через латинский, конечно) из греческого языка, где они использовались для обозначения не интенсивности звука, а высоты его произнесения. Так *акут* показывал подъём голоса (^), а *гравис* указывал на понижение голоса (ˇ) при произнесении гласного звука. В современном итальянском языке эти диакритики графически закрепляют фиксированное ударение, показывают открытость или закрытость произнесения гласной буквы, над которой они стоят, а также служат для различения омонимов, возникших в итальянском языке в результате процесса усечения конечных безударных слогов. Как правило, с тремя итальянскими гласными «a, i, u» используется знак *грависа*, а с гласными среднего ряда «o» и «e» могут использоваться как *акут*, так и *гравис*.

Рассмотрим самый частотный по использованию диакритический знак современного итальянского языка — *гравис*. При помощи этого диакритика обозначается слабое или тяжёлое фиксированное ударение. *Гравис* представляет собой свободно приставляемый надстрочный знак в виде штриха (палки) над буквой с наклоном верхней части влево. В системе Юникод известен как U+0300. Название знака произошло от латинского слова «gravis», т. е. «тяжёлый, широкий». Буква с этим диакритическим знаком передаёт открытый и долгий ударный гласный звук, который произносится с понижением голоса. В большинстве случаев, ударение, передаваемое этим знаком, будет приходиться на последний слог, а знак *грависа* будет стоять над последней гласной буквой. Слова с фиксированным ударением (в виде *грависа* или *акута*) не могут менять свою форму, т. е. в любом положении в предложении они остаются неизменными. Знак *грависа* используется в итальянском языке в следующих случаях:

1) в словах иностранного происхождения (например, «il caffè» в значении «кофейное дерево, кофе, кафе»);

2) в исторически усечённых словах (например, ит. «virtù» от лат. «virtus» в значении «добродетель» или ит. «vedrò» от лат. «viderit» в значении «я увижу»);

3) в словах с восходящими дифтонгами (например, ит. «riù» в значении «более», ит. «già» в значении «уже», ит. «riò» в значении «может»);

4) в формах глаголов первого и третьего лица, единственного числа, в простом будущем времени, подвергшихся также историческому усечению (например, формы будущего времени «sarò» в значении «буду» и «sarà» в значении «будет» от глагола «essere»);

5) в формах некоторых глаголов во втором лице, единственного числа, повелительного наклонения имеются усечения, из-за чего эти глагольные формы могут совпадать с другими словами, что предотвращают при помощи *грависа* или другого диакритика — *апострофа*. Например:

6) **di** (предлог) в сравнении с **dì** или **dî** (форма второго лица, единственного числа, повелительного наклонения глагола «dire» в значении «говори!»);

7) в формах некоторых глаголов прошедшего времени Passato Remoto для предупреждения их совпадения с другими словами. Например:

8) **parlo** (форма глагол «parlare» в значении «я говорю») и **parlò** (форма глагола «parlare» в значении «он/она проговорил/а»).

9) в омонимичных формах слов разных частей речи для предотвращения путаницы в их понимании. Например: существительное «tè» в значении «чай» и местоимение «te» в значении «тебя»; или глагол «è» в значении «он/она есть» и союз «e» в значении «и».

Помимо *грависа* в современном итальянском языке используется ещё один знак фиксированного ударения — это *акут*. Этот диакритик предназначен для передачи сильного ударения. Гласный звук с таким ударением должен быть закрытым, кратким и произносится с повышением голоса. Знак *акута* используется во многих европейских языках, использующих греческий, славянский или латинский алфавиты. *Акут* имеет вид свободно приставляемого надстрочного знака в виде штриха или черты над буквой с наклоном верхней части вправо. В системе Юникод его представляют под кодом U+0301. Название знака происходит от латинского слова «acutus», т. е. «острый». Этот диакритик имеет и другие названия в европейских языках: например, оксия (от древнегреческого слова «ὀξύεια», т. е. «делаю острым») или аксантегию (от французского словосочетания «accent aigu», т. е. «острое ударение»). Как и в случае с *грависом*, знак *акута* ставится в основном над последней гласной буквой в слове. Знак *акута* обязателен к применению в следующих случаях:

1) в служебных словах, оканчивающихся на —*ché*: таких как **perché**, **affinché**, **poiché**, **benché**, **cosicché**, **nonché**, **purché**;

2) в некоторых односложных служебных словах: таких как «né, ... né», т. е. «ни, ... ни»; «sé» в значении «себя»;

3) в форме третьего лица, единственного числа правильных глаголов второй группы в прошедшем времени Passato Remoto. Например, форма «poté» от глагола «potere» в значении «смог/смогла».

4) в иностранных именах собственных встречается, в основном, акут: **János Áder** (президент Венгрии), **Hortobágy** (парк в Венгрии), **Theós** (древнегреческий бог).

Оба ударения, т. е. *гравис* и *акут*, могут использоваться и в середине слов:

а) обязательно: в иностранных географических названиях. Например, «**Mònaco** di Baviera» (немецкий город Мюнхен) и «Principato di **Monáco**» (Княжество Монако);

б) факультативно: в омонимах или омографах для различения слов. Сравните: **Sète** (французский город Сет) и **sete** (по-итальянски значит «жажда»); «**le bòtte**» (по-итальянски «удары») и «**la bòtte**» (по-итальянски «бочка»); «**Dèi**» (по-итальянски «Боги») и «**dei**» (ит. предлог «di» с артиклем «i»)

Помимо *грависа* и *акута* в современном итальянском языке встречаются и другие диакритические знаки. Они необходимы, чтобы передавать звуки других языков, которых нет в итальянском языке, или чтобы сохранить оригинальное правописание слов иностранного происхождения.

Гачек (чеш. «*háček*»), имеющий вид галочки или птички над буквой, является надстрочным диакритическим знаком, принадлежащим большей частью чешской и хорватской письменности и латинской транслитерации славянских алфавитов. В системе Юникод известен как U+030C. Например, **Čajkovskij** (Чайковский), **Šćepkin** (Щепкин).

Умлаут (нем. «Umlaut»), иначе называемый **трема** (по-французски «*tréma*»), **диерезе** (по-итальянски «*dieresi*») или **двоеточие** по-русски, представляет собой надстрочный диакритический знак в виде двух точек. В системе Юникод известен как U+0308. Например, в немецком слове «**Würste**» в значении «колбасы», в итальянском слове «**figlià**» в значении «дочь» (высокого поэтического стиля) или в русском слове «**ёж**».

Апостроф (от др. — греч. «*ἀπόστροφος*», т. е. «обращённый назад») представляет собой надстрочный диакритический знак в виде запятой (’), штриха или одинарной кавычки, стоящей сбоку у верхнего края буквы. В системе Юникод известен как U+0027. *Апостроф* употребляется в буквенном письме разных языков в различном назначении. Например, в современном русском языке *апостроф* недавно отнесён в новую категорию знаков письменности под термином «небуквенные орфографические знаки» (туда же отнесён дефис, косая черта и знак ударения).

Апостроф обязательно используется в русском языке на месте иноязычного апострофа в иностранных именах собственных. Например, «Жанна д’Арк» или «О’Коннор». Кроме того, *апостроф* нужно использовать для отделения русских окончаний и суффиксов от начальной части слова, записанной латиницей. Например, «воспользовался e-mail’ом» или «с-молл’ная увертюра». Некоторые авторы жалуются на неудобство записи комбинации слова латинского алфавита с русским наращением, но в новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» (2006 года), одобренной Орфографической комиссией

РАН, не указывается каких-либо стилистических неточностей или ограничений.

В приведенных случаях *апостроф* не меняет значение и произношение слова или буквы, возле которой он стоит. Его функция заключается в разграничении и объединении двух разных частей слова. В этом смысле *апостроф* выступает не как диакритический знак современного русского языка.

Но в русской орфографии двадцатого века, вплоть до 50-х годов на территории СССР, *апостроф* очень часто применялся и в другой роли — вместо буквы «Ъ» («**об’явление**» вместо «объявление»). Такое употребление встречалось и позже, хотя уже вне книг и прессы. Использование *апострофа* было вызвано практикой полного изъятия из типографского набора буквы «Ъ», как пережитка прежнего строя. В этой роли *апостроф* выступал как диакритик, сохраняющий твёрдое произношение вперёдстоящей согласной.

В итальянском, также как и в английском языке, *апостроф* используется для передачи на письме опущения или усекавания гласных, согласных и даже последовательностей звуков «согласный + гласный». Например: «un po’» по-итальянски «немного» (вместо «un poco»); «un’ora» по-итальянски «час» (вместо «una ora»); «l’indirizzo» по-итальянски «адрес» (вместо «lo indirizzo»). Для сравнения несколько примеров из английского языка: «I don’t go» в значении «Я не еду» (вместо «I do not go»), «He’ll quit Britain» в значении «Он покинет Британию» (вместо «He will quit Britain»).

В приведенных примерах как итальянского, так и английского языков, *апостроф* ведёт себя не как диакритик, а скорее как небуквенный орфографический знак. С небольшой оговоркой, однако. В итальянском языке слова с усечением (или опущением) букв, обозначенным *апострофом*, становятся проходными, неударными, менее значимыми и поэтому произносятся быстрее. Артикуляция этих слов становится более небрежной и менее четкой, поэтому можно говорить, что *апостроф* в этом случае ведёт себя как диакритический знак, т. е. указывает на необходимость произнесения слова по-другому, более сжато с артикуляционной точки зрения.

Итак, в данной статье были представлены и проанализированы не все, а только основные диакритические знаки современного русского и итальянского языков. Целью работы было изучить историю возникновения такого феномена как диакритические знаки, рассмотреть подробно их классификацию для более детального их понимания, а также рассказать о проблемах и трудностях использования диакритических знаков в современном русском и итальянском языках в сравнении с некоторыми другими европейскими языками. И, самое главное, предостеречь изучающих итальянский язык русскоговорящих студентов от неправильного понимания и артикуляции слов, содержащих буквы с диакритическими знаками современного итальянского и русского языков.

Литература:

1. Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. — Москва: Наука, 1965. — 600 с. — (Академия наук СССР)
2. Зайцев А. И. Греческая метрика: Учебное пособие / Под ред. В. П. Смышляевой. — СПб.: СПбГУ, 2010. — 132 с. — 300 экз.
3. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник // Диакритические знаки: [Всесторон. информ. по изд. делу] / А. Э. Мильчин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ОЛМА-Пресс, 2003 (ПФ Красный пролетарий). — 558, [1] с.: ил., портр., табл.; 22 см.; ISBN 5-224-04560-6 (в пер.)
4. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — Москва: Эксмо, 2006. Стр. 114–115. ISBN 5-699-18553-4.
5. Чихольд Ян. Новая типографика [электронный ресурс]: руководство для современного дизайнера. / Ян Чихольд — Москва: ИЗДАЛ, 2011.
6. Ashby, Michael, & Maidment, John. *Introducing Phonetic Science*. — Cambridge: CUP, 2005.
7. Daniels Peter T., Bright William (a cura di), *The World's Writing Systems*. — Oxford University Press, 1996.
8. Diacritici // *Enciclopedia dell'italiano* [электронный ресурс] / Raffaele Simone (a cura di), *Enciclopedia dell'italiano*. — Roma, Treccani, 2010.
9. Marazzini Claudio, *Breve storia della lingua italiana*, — Bologna, ed. il Mulino, 2004, ISBN 88-15-09438-5

Qunyat al-Munya and Its Saudi Copies

Matniyazov Anvar Rustamovich, Independent Researcher

Tashkent State Institute of Oriental Studies

The jurisprudent scholar Najm al-din Abu Rija Mukhtar ibn Mahmud al-Zahidi al-Ghazmini lived in the 13th century. He wrote his works in the Arabic Language. The article analyzes his famous work Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya and its manuscripts (#3348 and #7382) reserved in the Fund of King Saud University. The work contains Khwarezmian sentences, Persian and a few Turkic words and sentences. Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya's copies are reserved in different funds and libraries of the world. The Leningrad manuscript (#C2311) of Ghazmini's Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya has been researched by scholars in different periods. A Great Russian scholar A. A. Freyman wrote the work Xorezmiyskiy yazyk ("Khwarezmian Language") in 1951. He gives examples of Khwarezmian words and sentences from the parts Kitab an-nikah ("The Book of Marriage"), Kitab at-talaq ("The Book of Divorce") and Kitab al-'itaq ("The Book of Releasing Slaves") of the Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya. In 1990, D. N. MacKenzie, an English scholar, made a scientific critical text of the Leningrad manuscript (#C2311). He made the Arabic texts, transliteration and the English translations of Khwarezmian words and sentences in Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya. [MacKenzie 1990]. We found a few new Khwarezmian words and sentences in the manuscript's copies (#3348 and #7382) of the Fund of King Saud University.

Keywords: Khwarezmian Language, Qunyat al-munya, Freyman, Ghazmini, Khwarezm.

An article of Ahmed Velidi Togan informed the world of scientific society about the work Qunyat al-munya and the Khwarezmian Languages in it. He wrote his article about Mukhtar Zahidi's Qunyat al-munya manuscript work and the vocabulary of Khwarezmian words of Jalal al-din al-'Imadi (A. H. 750/1350 C. E.) in 1936 [10, c.27–30].

It should be stressed that some treatises have been written based on Qunyat al-munya. One of them is *Ishbah an-nazair* of زين الدين الحنفى Zayn al-din Najm al-Khanafi where Khwarezmian words are encountered in the part of *Nikah* ("Marriage") [9, c.271]. These words and sentences are the same with the Qunyat al-munya words — almost there are no differences between them. Another anonymous author's *Qunyat al-fatawa* work contains Khwarezmian

sentences from the part of *Nikah* ("Marriage") on page 52 [9, c.271].

The most well studied works of above mentioned manuscripts is Qunyat al-munya. The full name of the work is *قنية المنية لتتميم الغنية Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya* which means "Possession of dreamt for the complete prosperity". Author's name is Najm al-din Abu Rija Mukhtar bin Mahmud al-Zahidi (died A. H. 658/1260 C. E.), born in Ghazmin, so he is called Ghazmini.

The first who attended to study the Qunyat al-munya was the scientist W. B. Henning. He gave a short description of Qunyat al-munya in his article in 1936 [3, c. 30–34].

In the same year, S. A. Alimov sent the 14th century manuscript Qunyat al-munya of 13th century's Khwarezmian scholar Najm al-din Abu Rija Mukhtar bin Mahmud al-Zahidi

from Astrakhan to the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. The description of the copies of *Qunyat al-munya* and the dictionary of Jalal al-din al-'Imadi was given by S. L. Volin [11, c.79–91].

The research paper “Materials of Khwarezmian Language according to Leningrad and Tashkent manuscripts”, consisted of 393 pages, is preserved in the archive of Institute of Oriental Manuscripts of the Academy of Sciences of Russia. The research work contains the description of works of Ghazmini's fiqh followers from Khwarezm and the Khwarezmian words contained in these works. S. L. Volin made use of 10 copies of *Qunyat al-munya*: ##C2311, C223, C224 copies of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Russia, 4 copies from the National Library of Uzbekistan, and other copies from Scientific Library of Tatarstan. This work is definitely worth to publish [4, c.113].

Another researcher, A. A. Freyman, paid great attention to Khwarezmian words of *Qunyat al-munya* and stated some of them in his monograph “Khwarezmian Language” [2]. The Khwarezmian text in the monograph based on “Leningrad manuscript” of *Qunyat al-munya* under the number C2311 in the fund of manuscripts of Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Russia. The work contains some words and sentences (275 entries) from *Qunyat al-munya* and Jalal al-din al-'Imadi's dictionary. The work contains some defects. M. N. Bogolyubov, reviewed the work, had shown the defects and mistakes in the composing process of the book [1, c.148]. However, the work is the first vast research in the studies of the Khwarezmian Language; it can be valued with satisfactory mark. Although, the critical attitude forwards the work is continuing until nowadays [8, c.496–497]. The print of the first part of the book took ten years where as the written version was given to a print house in 1940. It was published in brief in 1951. It is a pity that the fate of the second part of A. A. Freyman's book is unknown.

D. N. MacKenzie did the next research of *Qunyat al-munya* with the participation of Hasan Amarat in 1990. He translated the Khwarezmian texts of *Qunyat al-munya* and Jalal al-din al-'Imadi's dictionary into English. He gave detailed description of manuscripts. The Arabic and Khwarezmian texts of fatwas (legal opinion concerning Islamic Law), where Khwarezmian words and sentence are commented in the work [5, c.195; 8; 12]. D. N. MacKenzie's work is based on “Leningrad manuscript” (#C2311) of *Qunyat al-munya*, as well.

The manuscripts of *Qunyat al-munya* are preserved in the world funds in Russia, Uzbekistan etc. Recently two manuscripts of *Qunyat al-munya* was noticed in King Saud University [6, c.121]. Z. Najmiddinov, a Candidate of Historical Sciences, published them in the article “From the History of Studying Khwarezmian Language”. He stated that the comparison of old copy #3348 with the known copies gives new scientific results.

The first manuscript (#3348) is the most ancient one among the other known copies. It was copied in 692-hijri

year (1291 C. E.). It was measured 18.5 by 25.5 cm in size with 212 sheets (424 pages); written in Arabic mu'tar script, author is *ابى رجاء مختار ابن محمود الزاهدى* Abu Rija Mukhtar bin Mahmud al-Zahidi. Diacritic marks do not exist in some cases on Arabic and Khwarezmian words. The copier has made some mistakes. The part *كتاب الغصب Kitab al-ghasb* (“The Book of Compulsion”) contains 12 chapters, the first chapter is related ... *كتاب الوديعة Kitab al-vadi'a* (“The Book of Deposit”) part. In addition, *كتاب الوقف Kitab al-waqf* (“The Book of Dedication”) contains six chapters, but two chapters of them are of *Kitab al-ghasb* part. 171^{a, b} sheet does not exist. The two volumes of *كتاب الكفالة Kitab al-kafala* (“The Book of Guarantee”) are missing.

The second manuscript (#7382) was written in 983-hijri year (1573 C. E.). According to its colophon, the manuscript was owned by merchant Ahmad Khayr al-din after a century (1681 C. E.). The next owner of the book signed it in hijri 1282 (1866 C. E.). The manuscript is of 216 sheets/432 pages, and measured 16 cm by 22 cm. It was written in *naskh* script. It has also defected that 207^{a, b} sheet is missing and two volumes in *Kitab al-ghasb* is missing as well.

Both copies have Khwarezmian words in *كتاب الطهارة Kitab at-tahara* (“The Book of Purity”), *كتاب الصلاة Kitab as-sala* (“The Book of Prayer”) and *كتاب الحج Kitab al-hazhzh* (“The Book of Hajj Pilgrimage”) parts. It should be noted that scholars who researched the *Qunyat al-munya*, stated the beginning of Khwarezmian words from *كتاب النكاح Kitab an-nikah* (“The Book of Marriage”). Khwarezmian words are encountered in *bab al-jatim val-zham* *bajtihi va bajna sur al-himar* — as in the book (khwar. *w* *hwhsn*) [7,3348:3^b; 7382:5^a], *bab fi tatahijr al-nazhosot vad-dabo* (khwar. *q'lmjadik*) [7,3348:5^a; 7382:8^a] of *Kitab at-tahara*; *bab fil-aqval al-maszhid al-zhumlahu* (khwar. *achka/azhka, ahat naw/achat naw, wawajla, awwa, bahni/bahhani*) [7,3348:16^a; 7382:21^a], *bab salavat al-musafir vas-salavat fi shabija vad-daih* (khwar. *m'chk'tta/m'zhk'tta*) [7,3348:22^a; 7382:28^b], *bab al-zhanaza* (khwar. *b'namik* “*w hanut*”) [7,3348:25^b; 7382:33^b] of *Kitab as-sala*; *bab fi mann jalzima...* (khwar. *z'chmwscha*) [7,3348:33^b; 7382:45^a] of *Kitab al-hazhzh*. Khwarezmian words given after the sign *بالخوارزمية* which mean “in Khwarezmian Language”.

Qunyat al-munya contains 48 chapters, 29 of which have Khwarezmian words. However, some sources say that 17 parts have Khwarezmian words [9, c. 262]. Mukhtar Zahidi states Mutarrizi's following sentences in the part of *باب زلة القارى* *bab zillat al-qara* “Mistakes in reading”: “Khwarezmian people pronounce the Arabic letter *ج jeem* as *چ cheem*, *ب ba* as *پ pa*”. He comments it as remains of Zoroastrians before Islam ar. *kafara Hwarazmija* and marks this pronunciation as incorrect (ar. *Mufsid*) [7,3348:28].

Zahidi sometimes gives the letters of the words separately because of their vulgar meaning. For example, the Arabic word *jima* “sexual inter course” is translated into khwarezmian *س sin*, *ا alif*, *ف fa*: khwar. *saf* “sexual inter course” according to his statement.

The names of Medieval century cities of Khwarezm are given in both manuscripts: *Zamixjanik* — “Zimjanik”, *Zhurzhanija* — “Jurjania”, *Zimixshar* — “Izmixshir”, *Xashkijan* — “Xasikara”, *N'zhusha-shataich* — “Awshashtaich” [7,3348:52^{a-b}; 7382:67^a]. Besides, the work contains names of neighbor countries and ethnical groups: *kushan*, *saman*, *iskaf*, *sughd* [7,3348:75^a], *al-xifchaghajn*, *Rumanija* [7,3348:199^b], *at-tattar*, *al-sart*, *turkman* [7,7382:65^b], *Chin* [7,7382:106^a]. Except them, it has some notes about Zoroastrians' Holy Book Avesta of: *nazmi Zand Avesta*, *Awishxvar Avestajan* [7,3348:122^a, 158^b; 7382:87^b, 200^a]. The ancient Khwarezmian holidays as *Nawroz* “New Year”, *Mehrzhān* “holiday of harvest”, *Kalxasad val-dijas* “Kalandas” — holiday of Khwarezmian Christians, *zhizaz* “holiday related to kindling fire *azhghar* (!)” are also stated in the manuscript [7,7382:200^a].

It could be concluded from the Turkic words and sentences in *Qunyat al-munya* that some parts of Khwarezmian population became bilingual in the 13th century. Here are some examples:

khwar. *ya zhufta* — turk. *ar-xatun* ‘husband and wife’ [7,7382:65^a], khwar. *m'xasta ay zad'k'm* — turk.+pers. *qandashlik farzandim* ‘son by blood’ [7,7382:67^b], khwar. *ma xvasaryk* — turk. *ar bala*, *aghu* ‘boy’ [7,7382:67^b], khwar. *kandawzazh nin (nir)* — turk. *ayiridi* ... *ayiki* ... *ajirdi* ‘divided into two parts’ [7,7382:72^b]; turk. *ay oghlum* ‘my son’ [7,3348:52^b], *ar buzagh* ‘bull calf’ [7,3348:125^b], *azag turish* ‘stand’ [7,7382:3^a], *chelak* ‘bucket’ [7,7382:4^a], *bughdaz* ‘wheat’ [7,7382:140^b], *arrā* ‘two-handed saw’ [7,7382:145^b], *qaznaq* ‘bedside-table’ [7,7382:161^a], *duz* ‘salt’, *suv* ‘water’ [7,7382:95^b].

The Turkic words are given above Arabic and Khwarezmian words and in the margins of the page, not in the main text. It means that the Turkic words were entered to the book later. It is difficult to define the period of inclusion of these Turkic words.

As a conclusion, we achieved to find new Khwarezmian words that are not stated in previous researches. The comparison of Saudi manuscripts with other copies may give new results.

References:

1. Bogoljubov M. N./Review/A. A. Frejman. Xorezmijskij jazyk // Voprosy jazykoznanija. Moscow, 1953. № 6. S. 147–151.
2. Frejman A. A. Xorezmijskij jazyk. Materialy i issledovanija. Chast I. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 118 s.
3. Henning W. B. Ubar die Sprache der alten Chwaresmier // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Band 90. 1936. pp. *30*–*34* (= Selected Papers I, pp. 401–405).
4. Livshic V. A. Pamjatniki xorezmijskoy pismennosti // Vestnik drevnoj istorii. Moscow, 2009. № 3. S. 108–113.
5. MacKenzie D. N. The Khwarezmian Element in the *Qunyat al-munya*. Arabic text translated by Hasan Amarat/School of Oriental and African studies. University of London, 1990. 195 pp.
6. Nazhmiddinov Z. Xorazmij tilini o'rganish tarixidan // Eronij tillarning leksikologijasi. Toshkent, 2010. 120–126 B.
7. Qunyat al-munya li tatmim al-ghunya. King Saud University. ##3348: <http://makhtota.ksu.edu.sa/makhtota/3611/5;7382>: <http://makhtota.ksu.edu.sa/makhtota/7824/4>
8. Skjaervo O./Review/A new edition of the Khwarezmian phrases in the *Qunyat al-munya* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. 54. London, 1991. pp. 496–505.
9. Sobranije vostochnyx rukopisej AN UzSSR. Tom IV. Tashkent, 1957.
10. Togan Z. V. Ubar die Sprache und Kultur der alten Chwaresmier // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Band 90. 1936. pp. *27*–*30*.
11. Volin S. L. Novij istochnik dlja izuchenija xorezmijskogo jazyka // Zapiski instituta vostokovedenija Akademii nauk SSSR. Tom VII. Leningrad, 1939. S. 79–91.
12. Yoshida Y./Review/The Khwarezmian element in the *Qunyat al-munya* // Journal of Asian and African Studies, vol. 112. 1992. pp. 535–537.

Semantic Change and Its Sources in the English Language

Satibaldiyev Erkinjon Kamilovich, a student

Uzbek State World Languages University

The article is devoted to the investigation of sources, stylistic and the historical factors which lead to a semantic change in English. The author tries to explain the significance of this process in language development.

The word is one of the most crucial things we, as human beings, have ever possessed; it is a constituent of speech that is in charge of human's ability to comprehend the outworld. When put together into sentences, words form necessary basis for communicative process, with the help of which the knowledge of the world takes place. They help arrange a coherent and understandable spoken language. We form a phrase from the appropriate words to convey our thoughts as clearly as possible and deeper. Aldous Huxley in "Brave New World" gives the following description of the word marking its strong power: "Words can be like X-rays if you use them properly — they'll go through anything. You read and you're pierced." Knowing the possibilities that it gives; people should feel the responsibility and be quite careful when choosing words.

Semasiology is the subbranch of linguistics dealing with lexico-semantics, i. e., the nomination of individual objects and phenomena of reality. The lexical meaning of a word, which is the subject matter of semasiology, is its content, the correlation between the sound form and the concept of reality historically set up in the minds of the speakers. The meaning of words helps to distinguish objects. So, if we say that this is a bird, then in this case we are only interested in the fact that we have a variety of flying vertebrates, whose body is covered with feathers, and the forelimbs are transformed into wings. These features make it possible to distinguish a bird from other animals, for example, mammals.

When discussing the change of meaning, we differentiate between 3 notions: causes of semantic change, nature and results of the process of change of meaning.

The nature of semantic change is connected with the relations between the old and the new meanings. There are two kinds of associations involved in semantic changes: a) similarity of meanings — metaphor; b) contiguity of meanings — metonymy.

Similarity of meaning is the conjunction of the dictionary meaning of a word with the contextual one, based on the ascribing distinctive feature of one thing to another, not naturally innate to it. According to Galperin, a metaphor becomes a stylistic device when two different phenomena (things, events, ideas, actions) are simultaneously brought to mind by the imposition of some or all of the inherent properties of one object on the other which by nature is deprived of these properties [1]. This is a powerful tool of imagery — the relationship of reality to its vision by the author. Metaphor is obtained as a result of creativity against the background of a whole text about a man and his aspirations, nature, history, mythology.

For example: "My heart's a stereo

It beats for you, so listen close."

— "Stereo Hearts", *Gym Class Heroes*

Contiguity of meaning or metonymy may be described as a stylistic method of replacing words to others based on the connection of their adjacent meanings. This word is a lot like a metaphor, but their interrelation is akin to an association between two concepts represented by these meanings or cognate to the interrelation of two objects. In metonymy, a thing or a thought is described by some addition (action or function). Instead of the thing itself, another inherent thing or thought is called.

For example: England decides to keep check on immigration.

Results of semantic change — are the consequences of a semantic change; its change in denotational and connotational meaning. As a result of semantic change this area of meaning can be restricted or expended. "Restriction" of meaning is also known as "narrowing" or "specialization"; "extension" can be called "broadening" or "generalization" as well.

"The specialization of meanings is established mainly in the language of different classes and professions, since each such group is particularly close to certain ideas." [3] *Narrowing* of a word seems to cut off its lexical meaning and bind to it a strict, precise definition. The notion of each word is divided into a number of differential features. For instance, the word "meat" in old English meant "any edible things, including drinks", nowadays it denotes "a flesh of an animal".

"Broadening" — paradigm-related semantic change, which is based on the connection between members of the same lexico-semantic paradigm. It is a process opposite to the one we discussed above; generalization is a type of modification, when a word's meaning broadens, which means it is used by masses of people. As an example, we can take a word "plant", that originally carried a meaning "shrub". Today it can designate any representative of flora.

The causes of semantic change can be both alteration in objective reality and internal system language changes. The connotation changes as a result of redefinition of already existing objects or with the entrance of new ones and changing socially conscious attitudes towards them. If for some reason a word disappears from the language, its subject is redistributed among other vocabulary units. Causes of semantic change are traditionally classified into linguistic and extra-linguistic. *Extralinguistic causes* are those when a new object or concept comes out in the life of society. Thus, the reflector of the fire of the chimney, "the screen", received a new function with the advent of the cinema and

television screens, transmits its name to a new concept, thereby changing the volume of the meaning of the word. *Linguistic causes* are factors acting within the language system describe linguistic causes of language change. In the period of formation of the modern English language system, the so-called struggle of synonyms was a very topical issue, when borrowings coming to English forced out the original or borrowed words to a different sphere.

I. V. Arnold give following description: “Synonyms — are two or more words of the same meaning, belonging to the same part of speech, possessing one or more identical meaning, interchangeable at least in some contexts without any considerable alteration in denotational meaning, but differing in morphemic composition, phonemic shape, shades of meaning, connotation, affective value, style, emotional coloring and valence peculiar to one of the elements in a synonymic group.” It can also lead to more significant semantic structure adjustment, as it happened with “starve”,

which in the Old English period had the meaning “to die”. Under the pressure of the synonym die, its value first narrowed to “die from hunger”, and then changed altogether to its modern notion.

In accordance with the findings of this article, quite often, a change in the objects and phenomena of the world around us, as well as a change in our ideas and knowledge about the world, does not entail replacing the old names, the semantics of which undergo significant changes. On the contrary, already existing names are transferred to a new range of objects or phenomena that emerged during development, especially if their purpose and functional orientation remained the same. People learn objects, qualities while collaborating, and certain attributes of these objects, qualities or phenomena of reality form the basis of the meaning of the word. Therefore, for a correct understanding of the meaning of words, it is necessary to become familiar with the public sphere in which the word existed or exists.

References:

1. Galperin I. R. English Stylistics — М.: URSS, 2014, p.140.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: «Высшая школа», 1986. — С. 194.
3. Пауль Г. Принципы истории языка. — М.: Наука, 1960. С. 108.

Устойчивые сравнения как форма реализации лингвокультурной коннотации

Усманов Фархад Фахриддинович, докторант

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

В статье обоснована необходимость изучения устойчивых сравнений как средств реализации культурных норм. Предпринята попытка раскрытия культурной коннотации некоторых эталонов сравнений.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, ценность, коннотация, лингвокультурная коннотация.

The article substantiates the need to study sustainable comparisons as a means of implementing cultural norms. An attempt is made to reveal the cultural connotation of some standards of similes.

Keywords. Fixed similes, value, connotation, linguistic and cultural connotation.

В последние годы в узбекской лингвистике увеличилось количество исследований по лингвокультурологии, изучающей языковые единицы сквозь призму культуры, рассматривающей их как показателей национального менталитета. В лингвокультурном подходе особое внимание уделяется устойчивым единицам языка — сравнениям, метафорам, пословицам и фразеологизмам, посредством вышеназванным единицам, можно определить иерархию ценностей, отраженных в лингвистической картине мира национальности, а также национально-культурную коннотацию образов в устойчивых единицах.

Коннотация занимает центральное место в семантической структуре устойчивых сравнений, так как отражает ассоциативно-образные представления отдельного языкового

коллектива о тех или иных реалиях действительности, содержит культурно-маркированную информацию о рассматриваемом явлении [1, с.47].

Коннотация широко изучена в лингвистике, в то же время, она входит в число проблем, которые интерпретируются по-разному. В литературе это понятие трактуется как «дополнительное значение, выражающее эмоциональную, аксиологическую (ценностно-оценочную) и стилистическую окраску, наложенную на денотативные значения языковых единиц» [2, с.24–30].

В узбекской лингвистике почти во всех учебниках подчеркивается что содержание семемы лексем состоит из следующих трех основных элементов:

1. Денотативные семы.

2. Дополнительные смысловые оттенки (коннотативные семы).

3. Функциональные семы [3, с.58].

Обратимся к теоретическому базису науки, для определения категории «коннотация»: так, В. Телия интерпретирует коннотацию как самостоятельную или окказиональную сущность, входящую в семантику языковых единиц и отражающую эмоционально-оценочное отношение субъекта речи к объективности [4, с.5]. Ю. Апресян толкует коннотативное значение лексемы как несущественные, т. е. многократно проявляющиеся себя в языке, но принятые языковым коллективом устойчивые и не входящие в состав денотации признаки [5, с.163]. Следует отметить, что эти определения не противоречат друг другу, они дополняют друг друга [6, с.67]. Во-первых, коннотация явление из сферы прагматики. Коннотативное значение кроется в семеме лексемы и возникает при применении лексемы на практике в связи со словесной интенцией. При преобладании коннотативного значения лексемы его денотативное значение становится тусклым, т. е. менее активным. Ведь «в сфере, отражающей продукт человеческого сознания, выделяются значения, которые не направлены на отражение существования, а представляют собой отношение, основанное на воображении определяемого значения. Это разделение касается двух видов размышлений о мире: описательного и аксиологического. Первое, объективно выражающее мир, второе — субъективно-оценочное [2, с.39]. Во-вторых, коннотативное значение лексемы знакомо и понятно всем представителям определенного языкового коллектива. Например, лексема «*айшқ*» (медведь) для носителей узбекской лингвокультуры неизбежно ассоциируется с такими качествами, как «*сильный*», «*неуклюжий*» и «*ленький*». Следует отметить, что слово «*айшқ*» в этимологии именно «неуклюжий» [7, с. 22].

Итак, в широком смысле любую смысловую составляющую, дополняющую денотативный смысл языковой единицы, можно считать коннотацией.

Наличие коннотации у слова можно фиксировать только в тот момент, когда несущественный признак обозначаемого им объекта действительности стал семантическим компонентом в толковании какой-то другой единицы языка. Коннотация, таким образом, становится связующим звеном между двумя разными единицами языка, и отношение, в которое она ставит эти две единицы, есть отношение уподобления [5, с.169]. Таким образом, Ю. Апресян указывает на первую особенность коннотации — компаративность и уточняет, что именно коннотации лежат в основе, а также материализуются, во многих привычных метафорах, сравнениях, переносных значениях, фразеологических единицах, подавляющего большинства индивидуально-авторских толкований. [5, с. 164]. Еще одна важная особенность коннотации по Ю. Апресяну — это то, что «на формирование коннотаций лексемы решающее влияние оказывают тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной

обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст ее существования» [4, с.170]. Обращаясь к тезису другого исследователя, М. Мамадалиевой, мы отмечаем следующее «... оценка не ограничивается только речевой средой или оценивающим. В ней важную роль играет социальная среда, географическое положение, климатическая характеристика, национальное мировидение, религиозные взгляды и убеждения, традиции, обычаи, обряды» [2, с.60].

В лингвокультурологии национально-культурная коннотация определяется как трактование компонентов значений языковых единиц в ракурсе культурных правил, норм, стереотипов [8, с.66]. Другими словами, национально-культурная коннотация языковых единиц это черты значений в призме национальных взглядов, устойчивых культурных норм. В. Маслова считает, что такая культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологических единиц или метафоры, посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами [8, с. 55]. Например, в узбекской (можно сказать во всей мусульманской) культурной среде, где преобладает религиозный дискурс, выраженный в религии населения — ислам такое домашнее животное, как свинья имеет только отрицательные коннотации. И как в таких сравнительных оборотах, например, *чўққадек семирмоқ (растолстеть как свинья)*, *чўққадек ичмоқ (пить, как свинья, напиться как свинья)*, *чўққадек аганамоқ (валяться, как свинья)* выступает средством выражения отрицательного отношения. И этому есть ряд причин: во-первых, это внешний вид указанного животного (тучность, габариты) и место его основного пребывания в природе (грязь). Свинья — это существо, которое быстро набирает вес, неприхотливое к пище по сравнению с другими животными. Если основой для сравнения «*чўққадек семирмоқ*» (*растолстеть как свинья*), является вышеописанное, то основой для другого сравнительного оборота — «*чўққадек ичмоқ*» (*пить, как свинья*), служат такие характеристики и состояния, как «неряшливость», «потеря человеческого облика», «возмущение» по отношению к человеку, превращающегося, в определенный временной промежуток в представителя фауны. Т. е., состояние человека злоупотребляющего спиртным, похоже на состояние свиньи — грязно и неряшливо. См. пример, «—...*Ётибди?.. Ичгандир-да?.. Чўққадай ичди?! Ухлаб қолдими? Ха ичкиликка қирон кесин!* («... — *Лежит?.. да, небось выпил?.. Пил, как свинья?! Заснул? Да, пропади, спиртное, пропадом!*) (Н. Дуستمухаммад). Или «... — *Тасдиқлаш шарт эмасди, бу ярамаснинг чўққадек ичгани шундоққина сезилиб турарди* («... — *Подтверждения не требовалось — так было видно, что этот негодяй напился, как свинья*) (Р. Ёулдаш). Чаще всего, ситуация, в которой животное, так или иначе ведет себя, или многократно повторяющееся состояние животного, выражается в оборотах при помощи глагола-действия с отрицательной

окраской — «валиться» (но не «лежать»). Обратим внимание: «...Улар ароқ ичиб, чўчқа гўшти еб, лойларда худди чўчқадек аганаб ётганларини кўрганман...» (Я видел, как они пили водку, ели свинину, и валялись в грязи, как свиньи) (С. Турамурод (www.xabar.uz/nualliflar/karimberdi-turamurod/halqumizingizni-asrang)).

Отметим, что например, в русской лингвокультуре это животное также выражает такие отрицательные качества как беспамятство (как свинья пьяный, напиться, накачаться); неряшливость, неопрятность (как свинья грязный), нечистоплотность, непорядочность (вести себя как свинья) и др. [1, с.88], но здесь, хотелось бы выделить ключевое: русские сравнения «напиться как свинья», «как свинья пьяный» — это больше обозначает последствия действия — потеря контроля над собой, потеря «человеческого облика» и следственно превращение в животное, а в узбекской лингвокультуре культурная коннотация, связанная со словом «свинья», основана не только на визуальных ассоциациях, таких, которые мы наблюдали, выше. Здесь сюда накладывается и религиозное «табу». В этом свою роль сыграли и религиозно-мифологические представления. В мусульманском мире запрещение (харам) связано с тем, что свинья считается единственным животным, которое не ревнует свою пару, а также животным, которое может проглотить пищу любого вида, что противодействует религиозным представлениям. Это влечет за собой и запрет на употребление мяса этого животного и в результате приводит к негативной коннотации. Имеено поэтому представитель и носитель славянской лингвокультурной среды, может ласково называть своего ребенка «поросёнком»,

но для узбеков — представителей восточной ментальности это неприемливо. Эквивалентом здесь может выступить сравнение с другим животным — «кўзичок» («ягненок»).

Мы считаем, что лингвокультурологический анализ сравнений это, в первую очередь, выявление культурной информации, скрытой в семантической структуре сравнений, определение национально-культурной коннотации эталонов сравнений. Ведь они являются продуктом образного мышления нации, отражающим нормы, принятые в этой культуре.

Итак, ценностная картина мира может репрезентироваться и в устойчивых сравнениях. Ибо в них отражается ценностное отношение к тому или иному явлению, ценностное членение того или иного окружающего мира. При этом субъект сравнения — оценивающий, объект сравнения — оцениваемый объект, а эталон сравнения — это своеобразное отражение отношения оценивающего к этому объекту/явлению. Другими словами, субъект аналогии — это человек или общество, которое оценивает, а эталон сравнения — это его высшая форма-образец. С этой точки зрения, устойчивые сравнения могут ярко отражать антропоцентрический характер языка: т. е. в процессе определения тождества или различия, мерилom выступает сам человек, причем, всегда — когда он объект оценки, и когда он субъект оценки. Даже при оценке субстанций окружающего мира именно человек (его интересы, потребности, предметы и явления, приносящие пользу, представления) выступает в качестве основной меры, «путеводителем» в критериях оценки и классификации национальных ментальностей.

Литература:

1. Бойко Л. Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: дисс... к-та филол. наук. — Волгоград, 2009.
2. Мамадалиева М. Ўзбек тилида номинатив бирликларнинг коннотатив аспекти. Филол.фан.ном.дисс. Тошкент. 1997.
3. Ньёматов Х., Расулов Р. Ўзбек тили систем лексикологияси асослари. — Т.: Ўқитувчи, 1995.
4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: «Наука». 1986.
5. Апресян Д. Ю. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
6. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Тула. 2009.
7. Ўзбек тилининг этимологик луғати. Тошкент: Университет, 2000. — с. 22.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: «Академия», 2007.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Особенности презентации информационного противоборства СССР и Германии в 1941–1945 гг. классическим научно-популярным журналом «Историк»

Баулина Анастасия Александровна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет

Журнал «Историк» начал выходить в свет в 2015 году, его можно назвать классическим в презентации материала, характер изложения носит оттенок серьезности, о котором заявляется в обращении редакции к читателю: «Наш журнал — серьезное чтение для думающих людей». Это объясняется тем, что проект реализуют ученые-историки из Института социально-экономических и политических исследований. На сегодняшний день можно утверждать, что журнал перешел с локального уровня распространения информации на всероссийский. С идейной и общественной позицией издания можно ознакомиться на его сайте в сообщении «К читателю»: «Мы пишем для тех, кто считает себя патриотом. Для тех, кто испытывает потребность в консервативном знании о прошлом и настоящем. Для тех, кто устал от глумления над историей своей страны, от засевших в общественном сознании и часто привнесенных извне стереотипов и штампов восприятия действительности. Для тех, кто не согласен с попытками интерпретировать историю своей Родины лишь как цепь реализованных негативных альтернатив».

Тема информационной борьбы занимает в журнале «Историк» далеко не главенствующее положение. В основном, тема пропаганды носит статус лишь упоминания в контексте другой, более обширной темы. Тем не менее подобное упоминание является важным компонентом прагматического нарратива, поскольку составляет часть ценностного наполнения. Известно, что «мир человека — это мир ценностей» [3, с. 114], и одинаковые предметы, явления могут иметь разный уровень значимости для людей, которая «зависит от потребностей, интересов, целей, мировоззрения» [3, с. 114]. Таким образом, процесс производства исторического знания носит в некотором роде субъективный характер. Кроме того, историк имеет дело не столько с количественными методами исследования и терминами, лишенными оценочной коннотации, сколько с «человеческой деятельностью, описывает обстоятельства, в которых живут люди, и способы, какими они реагируют на них» [1, с. 172], именно поэтому, по мнению Е. В. Мишаловой, историку приходится использовать «моральные категории и понятия, закрепленные в естественном языке» [1, с. 172].

Описывая эти особенности, философ Х. Патнэм говорил, что «каждый факт нагружен ценностью, и каждая наша ценность нагружает какой-то факт» [2, с. 210]. Уже из сообщения «К читателю» можно сделать вывод, что сотрудники «Историка» имеют патриотические ценностные ориентации, для передачи которых и применяются упоминания пропаганды.

В январе 2019 года Олег Назаров провел интервью с доктором исторических наук Никитой Ломагиным, специализацией которого является история ленинградской блокады. В рамках этой беседы под отдельным подзаголовком «Миф о ром-бабах» интервьюер поднимает вопрос о соответствии действительности утверждения о том, что «ленинградская партийная верхушка, и Жданов в том числе, жируют в осажденном городе, едят икру и ром-бабы». Респондент признает действительным факт о том, что руководство питалось лучше рядовых жителей, но сообщает и о фактах злоупотребления своим положением и спекуляции, которые тем не менее в дальнейшем всегда наказывались. Также с целью опровергнуть выдвинутую интервьюером версию историк рассказывает о происхождении данного утверждения, которое непосредственно связывается с действием пропагандистской машины, на удивление, советской, которое привело к противоположному от ожидаемого результату. Чтобы показать населению страны жизненную силу Ленинграда в газетах размещались фотографии, всячески демонстрирующие это, в том числе и с ромовыми бабами, «пропаганда работала так, что за пределами Ленинграда у людей складывалось впечатление, что в городе на Неве все хорошо». Как мы видим, в этом материале упоминание пропаганды используется, чтобы опровергнуть ложное утверждение, случайно рожденное этой же пропагандой и в результате закрепившиеся в сознании населения, в упоминаемом фрагменте материала стремятся очистить имя Жданова и, в целом, партийной верхушки блокадного Ленинграда.

В материале Николая Крылова «Они были героями» уделяется внимание проблеме «разоблачения “легенд советского времени”», которая рассматривается на примере пионеров-героев: Шуры Чекалина, Лени Голикова,

Вали Котика, Марата Казея, Зины Портновой, Абрама Пинкензона, Лары Михеенко и Володи Дубинина. Автор материала сообщает, что писатели, описывающие подвиги «*слегка преувеличивали* масштабы воинских заслуг юных партизан», «конечно, <...> не обошлось без *романтизации*», однако преувеличение ничуть не уменьшает реальность героических поступков пионеров. Именно на этом базируется главный тезис автора: «*Это не выдумка пропаганды, не миф, не тщательно продуманный сюжет блокбастера. Тут — подлинная основа*».

В статье «Легенда, сложенная из были» Михаила Мягкова звучат те же мотивы, что и в прошлом материале: «В последнее время чего только не услышишь о героях тех сражений. Некоторые публицисты и вовсе утверждают, что их не было...» (речь о подвиге 28 панфиловцев). Упоминание пропаганды встречается во время рассуждения относительно известной фразы, приписываемой политруку Василию Клочкову «Отступить некуда, позади Москва». Повествуется о критиках, которые считают, что фраза не может принадлежать Клочкову только лишь потому, что очень напоминает «пропагандистские лозунги того времени». Тем не менее автор упорно не видит в этом никакого противоречия. По ходу материала автор стремится опровергнуть сложившееся среди некоторых историков мнение, что «фамилии 28 красноармейцев, остановивших армаду немецких танков на подступах к Москве, взяты с потолка и никакого боя просто не было», для этого нарратор прибегает к использованию определенных выражений: «обратимся к справке-докладу», «факты говорят о том, что». Автор желает донести до читателей мысль, словесно выраженную в конце статьи: в попытках доказать недостоверность ряда подвигов, «ниспровергатели» «стремятся поставить под сомнение не только *качество советской пропаганды* в годы Великой Отечественной войны, но и весь смысл той жертвенной борьбы с врагами Родины».

О подвергающемся дегероизации подвиге генерала лейтенанта Дмитрия Карбышева рассказывается в материале Арсения Замостьянова «Несгибаемый генерал», по мнению авторов «Историка», объективно преподнесенные события, но в рамках идеологического воздействия, дают многим основания утверждать об их оторванности от реальной действительности. По этому поводу и высказывается автор этой статьи: «История генерала Карбышева — одна из самых трагических и правдивых».

В материале Арсения Замостьянова «Казненные в хмурый день...» о Зое Космодемьянской и Вере Волошиной сообщается, что «страна вроде бы переболела дегероизацией», однако главным врагом остается беспмятство. Основная часть материала отводится под рассуждения о первоначальном материале, посвященном Зое Космодемьянской, очерке Петра Лидова в газете «Правда», и так называемым «ниспровергателям мифов», которые «подвиг и трагедию девушки, с именем которой фронтовики шли в бой, объявили мифом». Рассуждения постепенно

приводят читателей к главной идее, размещенной в заключительной части материала и по смысловому наполнению совпадающей с основным тезисом в ранее описанном материале Николая Крылова: «И все-таки подлинный героизм не вычеркнуть из истории. За последние годы мне довелось познакомиться с несколькими молодыми историками и журналистами, для которых подвиг защитников Москвы — *не миф и не выдумка пропаганды*».

Относительно многих явлений, событий и личностей бытует мнение, что они являются продуктом пропаганды, а не реальным прошлым. Однако, как мы можем видеть, по мнению «Историка», ничто не мешает реальному факту стать компонентом пропаганды, что при этом нисколько не умаляет важности подвига. Касательно людей, которых авторы «Историка» с насмешкой называют «ниспровергателями мифов» в ряде материалов мы можем встретить и другие характеризующие не только их самих, но также и их деятельность выражения: «*недобросовестные люди*», «*лживые сведения*», «*навет*», «не просто лживые, *подлые* легенды», «перевернули ситуацию *с ног на голову*», «залить *помоями*», «разоблачение получилось *куцым, неубедительным*», «*шкурническая* программа», «*лукавая мыслишка*». В отношении же героев, подвиги которых отстаивает «Историк», употребляются иные высказывания, например, в качестве синонимичного к описываемым героям-пионерам слова Николай Крылов в материале «Они были героями» употребляет слово высокого стиля «*когорта*» (сплоченная группа людей), сведения о подвигах Великой Отечественной войны Арсений Замостьянов в статье «Несгибаемый генерал» называет «*храмом* народной героики» и «*святынями* Великой Отечественной».

О позитивной роли советской пропаганды содержится информация в материале Арсения Замостьянова «Всю жизнь любил он рисовать войну...». Благодаря ей в широкие круги возвратилась историческая героика, она «сделала достоянием миллионов поэзию Александра Пушкина, музыку Михаила Глинки, наследие Александра Суворова, героические образы Александра Невского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского». Евгений Тростин в тексте «Страна писателей, страна ученых» отмечает те же положительные функции советской пропагандистской машины, одним из инструментов которой автор признает Сталинские премии: «Время было предвоенное, а затем фронтовое, и закономерно, что в списках сталинских лауреатов мы видим немало ученых, работавших на оборону».

Характеристику немецкой пропаганды «Историком» мы видим в материале Арсения Замостьянова «Знамя победы», где работу пропагандистов Третьего рейха описывают просторечным словом «нахрапистая», то есть наглая, бесцеремонная, грубая. В этом же материале отмечается ее пролонгированное действие на Западе и также происходит опровержение порожденных ею смыслов, существующих даже в современном мире: «живучая оказалась *ложь*», «и в наше время на Западе *тиражируются мифы*».

о «миллионе изнасилованных немок»». Также в 2016 году в «Историке» публикуется интервью Олега Назарова с Аполлоном Давидсоном, не просто доктором исторических наук, а человеком, который пережил блокаду Ленинграда. В ходе беседы был задан вопрос о гитлеровской пропаганде, на который последовал довольно лаконичный ответ, характеризующий ее как активную, но «глупую» и «на людей почти не действующую». В материале Александра Дюкова

«Режим порабощения и уничтожения» рассказывается о политике нацистов на оккупированных территориях, в том числе и о развернутой в таких областях нацистской пропаганде, нацеленную на привлечение добровольцев, готовых отправиться на работы в Германию. Автор подводит итоги этой деятельности: хотя пропаганда была довольно масштабной, «немногие соглашались уехать по собственному желанию».

Литература:

1. Мишалова Е. В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // *Epistemology & Philosophy of Science*. — 2012. — № 1. — С. 157–173.
2. Патнэм Х. Разум, истина и история / пер. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. — М.: Праксис, 2002. — 296 с.
3. Харитонов Н. Н. Мир человека — мир ценностей // *Фундаментальные исследования*. — 2008. — № 9. — С. 114.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Peculiarities of Interpretation in Intercultural Communication

Abdullaeva Sevara Makhsudali qizi, a student

Uzbek State World Languages University

In this article the author presents a significant role of an interpreter in cross-cultural communication. As well as provides some data about the specific features needed in the profession of an interpreter.

These days globalization is a process of world-wide integration of the political, economic, cultural and religious spheres. It is impossible to deny that the development of internationalization entails a number of problems associated with the formation of the cultural solidity of the world.

The dialogue of cultures brings us to the need to revise intercultural interconnection and individual cultural identity based on the principle of ideas of tolerance, an adequate understanding of cultural differences, which is the key to effective relationship and mutual understanding between representatives of a particular culture.

With the development of the theory of interpretation as a scientific discipline, it became obvious that a deep knowledge of a foreign language and culture of the country he or she is studying is important for a professional interpreter, as well as a philological knowledge based on the study of the native language. No-one would argue that a good interpreter must understand the peculiarities of the structure of the language, the logic of the interaction of its elements and parts, so that it is possible to demonstrate a foreign language with the native in all their diversity. As for the problems faced by interpreters, one of the main difficulties is that carriers of different languages often do not have the same notion as how to perceive ideas of others and what is not acceptable to say.

Starting from the definition of lexical correspondences between the source language and the language of interpretation, translation studies followed the path of understanding the interpretation process as a multidimensional phenomenon, which matches not only linguistic forms, but also the linguistic vision of the world and the communication situation along with a wide range of non-linguistic factors. Thus, the creative personality of the translator plays a momentous role in this process.

For instance, the Japanese term “ikebana” previously was interpreted and understood by people far from Japanese culture as “bouquet”. Only having become acquainted with the national characteristics of the culture of Japan, the interpreters became able to give people a deeper meaning of this word which is not just a bouquet, but an art in bouquet design, more precisely, a philosophy based on the traditional Japanese notion of the world, where the shape and color of

the plant carry a special significance. Thereby, only a more proper interpretation of this phenomenon by the interpreters made it possible to realize the new layer of the culture of Japan, as well as the essence of the national character of the Japanese.

When we talk about the interpretation process, we mean not only the transformation of a speech into another language, but also the psychophysiological process that takes place in the brain of the interpreter during his work. The ability to find an individual approach basing on the knowledge about the culture, which cannot be provided by any theory of the translation of conformity is exactly the creative nature of translation activity. However, without mastering the theory of interpretation, neither the communicative function nor the adequacy of the translation will be ensured.

It is well known that the main task of an interpreter is the most complete transfer of the content of the original, while, as a rule, the actual commonality between the content of the source language and the language of the interpretation is significant. When realizing this task, one should primarily distinguish between the potentially achievable equivalence, which means the maximum commonality of the content of two multilingual texts allowed by the differences in the languages in which they are created, and translation equivalence, that is the real semantic closeness of the original texts and the translation achieved by the translator in the interpretation process.

It is certainly true that one of the most important features of the interpreter is the individual character of the professional activity. As a matter of fact, in the process of interpretation activity, numerous intellectual problems may constantly arise, which challenge a professional and lead to stressful situations. A true professional, having ample data about the interpretation process, should be able to correctly determine the complexity of the problems and find an appropriate way to tackle them.

In this regard, the behavior of an interpreter during work is also specific: he/she must feel the audience’s attitude to what he/she says, but at the same time must not be in the image of the one he translates. Thus, the activity of an interpreter can be viewed as a communicative act (transformation of objects and structures of one language into objects and structures of

another according to certain rules), in which the interpreter acts as an intermediary with a deep knowledge of the language (both foreign and native) culture and traditions of the country of the carrier of the language.

And the activity of interpreters is, indeed, important in the process of intercultural communication, as the success of the communicative act itself often depends on its quality, it can be regarded as an invisible tool in regulating international relations at the political, cultural and economic levels.

Communication, regardless of its type, is possible between representatives of the same culture and language or different. In the case of intercultural communication, many more problems arise as people with different cultural experiences communicate. Each participant can interpret the speech of the other according to their cultural customs and expectations. And if there is a significant difference between the cultural habits of those who communicate, misunderstanding will definitely disrupt communication.

Intercultural (or cross-cultural) communication is the subject of investigation of science, which examines how people

with different cultural backgrounds communicate and how they behave in this kind of communication.

Here interpretation plays not only linguistic, but also a cultural role of communication. The interpretation process embraces two aspects — language and culture, which are, by all means, inseparable. Language and culture are interrelated: a language expresses cultural reality and hence, gives it shape. Thus, the meaning of the linguistic element can only be comprehensible in consistency with its cultural context.

All in all, as seen in this article, the problem of study reveals that an interpreter plays a role of a linguistic mediator, whose duty is assisting the two sides in figuring out what they want to say to each other. Thus, the interpreter's awareness of other national-specific and ethno-psychological norms and rules of communication determines mutual understanding and effectiveness intercourse, which in turn, contributes to a more rapid adaptation of the linguistic personality to a different cultural environment and allows to see with the eyes of their partner, therefore, understand their feelings, sensations and thoughts.

References:

1. Helen Spencer-Oatey and Jianyu Xing, Semantic change and its sources in English language, Handbook of Intercultural Communication, Berlin: Mouton de Gruyter, 2009 pp.219–236.
2. Angelelli, C.V. The Interpersonal Role of the Interpreter in Cross-cultural Communication: A Survey of Conference, Court, Community and Medical Interpreters in the U. S., Canada and Mexico. Paper presented at American Association for Applied Linguistics Annual Conference 2001, St. Louis, United States.

Готическая фактура и её особенности при изучении отношения к России немецких ученых XVII–XVIII веков

Петрова Вероника Ахмедовна, студент

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Фактура — поздняя разновидность готического письма, которая возникла в XVII–XVIII веках. Впервые её разработкой в начале XVI века занялись гравер и печатник Иероним Андреа, а также художник Альбрехт Дюрер, когда работали над серией заказов немецкого короля, императора Священной Римской империи, эрцгерцога Австрийского Максимилиана I. Кроме того предполагается, что немецкий монах и писец Леонард Вагнер имел отношение к разработке фактуры в конце XV века. Однако остаётся неясным, насколько этот шрифт был известен, поскольку рукопись осталась в стенах монастыря. Стоит отметить, что вариант готического письма изменялся под влиянием времени и культур, доминирующих на территории данных периодов. Можно выделить следующие важные этапы развития фактуры:

1. Renaissance-Fraktur (Фактура эпохи Ренессанса)
2. Barock-Fraktur (Фактура эпохи Барокко)
3. Klassizistische Fraktur (Фактура эпохи Классицизма)

В рамках данной работы особое внимание было уделено фактуре эпохи барокко.

В качестве источника были взяты отрывки из следующих источников:

1. «Das veränderte Russland», Friedrich Christian Weber («Преображенная Россия», Фридрих Христиан Вебер) (1721 г.)
2. «Auszug der älteren Staatsgeschichte», Gottlieb Siegfried Bayer («Отрывок из древней истории государства», Готлиб Зигфрид Байер) (1728 г.)

При работе над данными текстами мною были выделены следующие этапы работы:

1. Расшифровка символов.
 2. Перевод готического текста на современный немецкий язык.
 3. Перевод на русский язык.
- Фридрих Христиан Вебер был ганноверским резидентом при русском дворе. На Вебера Российская империя оказала

огромное влияние. Я перевела отрывок из его книги «Das veränderte Russland». Он отмечал, что за последние 20 лет в России произошли значительные преобразования и изменения. Его впечатлили не только изменения в облике городов, культуре и науке. К самым значительным новшествам он отнес:

1. расширение российских границ;
2. строительство города Санкт-Петербурга и его кроншлотского порта;
3. полиция, созданная по немецкому образу и подобию, а также благодаря беспрестанным тренировкам;
4. Балтийский флот, построенный из казанской древесины; крестьяне, ставшие матросами;
5. учреждение морской и других академий;
6. значительные улучшения в областях судебного и военного дела, благодаря созданию новых коллегий;
7. развитие прикладных искусств и открытие мануфактур;
8. конфликт Петра с его сыном царевичем Алексеем, и в особенности более глубокое осознание духовности церковными служителями, вопреки их прежнему неукоснительному послушанию.

Стоит отметить, что Фридрих Христиан Вебер выделил, что на эти преобразования было потрачено мало времени. Иллюстрации отрывков представлены на рисунке.

Vorbericht.

Das Rußland seit einigen zwanzig Jahren ganz verwandelt und verändert sey, werden nicht allein diejenigen, welche in Rußland gewesen, sondern auch alle, die nur einige Kenntniß von dem jetzigen Zustande der Nordischen Sachen haben, gestehen müssen. Die Erweiterung der Russischen Gränzen, die Erbauung der
a 2 Stadt

Рис. 1. «Das Rußland seit einigen zwanzig Jahren ganz verwandelt und verändert sen (ist), werden nicht allein diejenigen, welche in Rußland gewesen, sondern auch alle, die nur einige Kenntniß von dem jetzigen Zustande der Nordischen Sachen haben, Zustande gestehen müssen. Die Erweiterung der Russischen Gränzen, die Erbauung der Stadt Petersburg

«За последние 20 лет в России произошли значительные преобразования и изменения, факт которых могут подтвердить не только люди, побывавшие в России, но и те, которые имеют представление о положении дел в северных государствах. К самым значительным новшествам относятся: расширение российских границ; строительство города Санкт-Петербурга

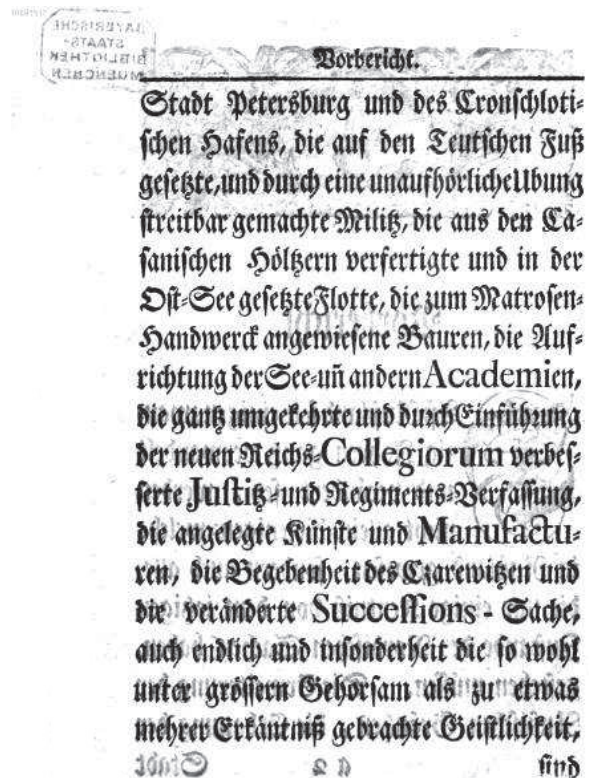

Рис. 2. und des Cronschlotischen Hafens, die auf den Teutschen Fuß gesetzte, und durch eine unaufhörliche Übung streitbar gemachte Militz, die aus den Casanischen Hölzern verfertigte und der Ost-See gesetzte Flotte, die zum Matrosen-Handwerk angewiesene Bauren, die Aufrichtung der See und andern Academien, die ganz umgekehrte und durch Einführung der neuen Reichs-Collegiorum verbesserte Justitz und Regiments Verfassung, die angelegte Künste und Manufacturen, die Begebenheiten des Czarewitszen und die veränderte Successions-Sache, auch endlich und insonderheit die so wohl unter grössern Gehorsam als zu etwas mehrer Erkänntniß gebrachte Geistlichkeit, sind

и его кроншлотского порта; полиция, созданная по немецкому образу и подобию, а также благодаря беспрестанным тренировкам; Балтийский флот, построенный из казанской древесины; крестьяне, ставшие матросами; учреждение морской и других академий; значительные улучшения в областях судебного и военного дела, благодаря созданию новых коллегий; развитие прикладных искусств и открытие мануфактур; конфликт Петра с его сыном царевичем Алексеем, и в особенности более глубокое осознание духовности церковными служителями, вопреки их прежнему неукоснительному послушанию.

Vorbericht.

find solche grosse Neuerungen, und die darauf gewendete Zeit so geringe, daß ein jeder, der dieselbe mit Augen gesehen, darüber erstaunen muß, und die Nachwelt in Zweifel ziehen wird, ob solche Verwandlung in einer Zeit von zwanzig Jahren bey einer ehemahls so wüsten und widerspenstigen Nation zu Stande gebracht, und ob eine Stadt von sechzig tausend Häusern an einem mo-
rastigen Orte, allwo Anno 1701. nur zwö-
fischer-Hütten gestanden, und eine Flotte von vierzig Kriegs-Schiffen und etlichen hundert Galeeren seit eben solcher Zeit er-
bauet sey.

Wie denn an allem demjenigen, was der Czar zur Wohlfarth seiner Unterthanen und Länder unternimt, nichts weiter fehlet, als

4 3 daß

Рис. 3. sind solche grosse Neuerungen, und die darauf gewendete Zeit so geringe, daß ein jeder, der dieselbe mit Augen gesehen, darüber erstaunen muß, und die Nachwelt in Zweifel ziehen wird, ob solche Verwandlung in einer Zeit zwanzig Jahren bey einer ehemals so wüsten und widerspenstigen Nation zu Stande gebracht»...

А время, понадобившиеся на все эти нововведения так ничтожно, что каждый, кто их увидел бы своими глазами, удивился, а потомки вряд ли поверят в то, что такие изменения могли быть осуществлены в 20 летний срок в такой строптивой и пустынной на тот момент России».

Для царя Петра II Готлиб Зигфрид Байер написал: «Auszug der älteren Staatsgeschichte» («Отрывок из древней истории государства») (СПб., 1728 г.).

Текст на древнем немецком языке (рис. 4):

Begebenheiten von Azow wie selbiges lange vor Christi Geburth von den Grichen erbauet und bewohnt worden, welche Völcker es sonst zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den umliegenden Ländern vor alters unter Russland gestanden, hernah in Polowzische, Genuesische und Türkische Hände gerathen, und wie es endlich von Russland wieder erobert worden, in einem kurtzen Zusammenhange verfasst.

St. Petersburg aus der Buchdruckeren der Academie der Wissenschaften

Текст на современном немецком языке:

Die Geschichte (Begebenheiten) von Azow beginnt lange vor der Christi Geburt. Die Stadt wurde von Griechen erbaut und bewohnt sowie von anderen Völkern, die auf den umliegenden unter der Herrschaft von Russland bestehenden Territorien gewohnt hatten. Desweiteren geriet Azow hernah in Polowzische, Genuesische und

Türkische Hände und wurde endlich von Russland wieder erobert.

Auszug, gedruckt von der Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg

Malle

Begebenheiten
von

wie selbiges

lange vor Christi Geburth von den Grichen erbauet und bewohnt worden, welche Völcker es sonst zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den um liegenden Ländern vor alters unter Russland gestanden, hernach in Polowzische Genuesische und Türkische Hände gerathen, und wie es endlich

von

Russland

wieder erobert worden;

in einem

kurzen Zusammenhange

verfasst.

St. Petereburg

aus der Buchdruckerey der Academie der Wissenschaften.

Рис. 4.

Перевод на русский язык:

История Азова, как таковая, начинается задолго до Рождества Христова с его основания греками, проживающими в его пределах.

На протяжении своей истории город принадлежал разным народностям, населявшим территории в непосредственной близости и находящихся в ведении (в управлении) Российской империи. Позднее город попал под влияние половцев, генуэзцев и турков, и наконец был вновь отвоёван Российской империей.

Краткий очерк, издательство Академия Наук в Санкт-Петербурге

Alte
Azowische
und
Krimische
Begebenheiten.

Рис. 5.

Текст на древнем немецком языке (рис. 5): Alte Azowische und Krimische Begebenheiten.

Текст на современном немецком языке:
Alte Azowische und Krimische Begebenheiten
 Перевод на русский язык:
 Древняя история Азова и Крыма

Anais wird von den Alten unter die berühmteste Flüsse gerechnet. Und dieses, theils wegen der damahliger Zeit angränzenden Scythen, derer Tapfrigkeit fast übermäßig erhoben worden, theils auch, weil die in Norden und Oosten gelegene Länder nicht genugsam untersucht werden können, daß man diesen Fluß als den äussersten in Norden von der bekandten Welt ansehen müssen. Die Macedonier, welche unter Alexander dem Großen, die Perser, ganz Egypten und ein sehr großes Theil von Asien biß an den Indus Strohm bezwungen, waren mit sich selbst nicht zufrieden, bis sie den Tanais und die Scythen an selbigem erreicht hätten. Da sie nun an die Indianische Gebürge kamen, hielten sie

Рис. 6.

Текст на древнем немецком языке (рис. 6):

Tanais wird von den Alten unter die berühmteste Flüße gerechnet. Und dieses, theils wegen der damahliger Zeit angränzenden Scythen, derer Tapfrigkeit fast übermäßig erhoben worden, theils auch, weil die in Norden und Oosten gelegene Länder nicht genugsam untersucht werden können, daß man diesen Fluß als den äussersten in Norden von der bekandten Welt ansehen müssen. Die Macedonier, welche unter Alexander dem Großen, die Perser, ganz Egypten und ein sehr großes Theil von Asien biß an den Indus Strohm bezwungen, waren mit sich selbst nicht zufrieden, bis sie den Tanais und die Scythen an selbigem erreicht hatten. Da sie nun an die Indianische Gebürge kamen, hielten sie...

Текст на современном немецком языке:

Tanais wird von den Alten zu den berühmtesten Flüssen gerechnet. Einerseits wegen der Scythen, die damals die angrenzenden Territorien bewohnten, derer Tapferkeit fast übermäßig erhoben worden war, andererseits wegen der Länder, die in Norden und Osten von Tanais lagen und nicht genugsam untersucht werden konnten, so daß man diesen Fluß als den äußersten im Norden von der bekannten Welt angesehen werden musste. Die Macedonier, welche unter Alexander dem Großen, die Perser, das ganze Egypten und einen sehr großen Teil von Asien bis an den Indischen Ozean bezwungen, waren mit sich selbst so lange nicht zufrieden, bis sie den Tanais und die Scythen erreichten. Der Kaukasus wie früher die Gebirge von Indien hielten sie...

Перевод на русский язык:

Танаис (Дон) считался одной из самых известных рек древности, с одной стороны благодаря скифам, проживавших на прилегающих к нему территориях и прославившихся своим мужеством; с другой стороны, благодаря

тому факту, что земли, расположенные на севере и востоке от него не могли быть достаточно исследованы на тот момент. В следствии чего Танаис рассматривали как границу изученного мира. Македонцы под предводительством Александра III Великого, (Македонского) завоевавшего Персию, весь Египет, а также большую часть Азии вплоть до Индийского океана, были до тех пор недовольны собой, пока не достигли реки Танаис и скифских владений. Горы Кавказа, как и прежде горы Индии, встали на их пути, и они были вынуждены продолжить свой поход вдоль реки Ярартес, которую персы называли Танаис.

3
 sie dieselben vor den Scythischen Caucasus und folgendes den Fluß Jarartes, jeto bey den Persern Shun genant, vor den Tanais. Wiewohl sie hierinnen sich sehr geirret, so ersiehet man doch aus diesem Bezeigen, daß sie einen Zug wieder die Scythen an dem Tanais vor viel rühmlicher gehalten haben müssen, als alle die herrlichen Siege, die sie über Persien befochten. Und deswegen haben auch die Alten den Tanais zur Gränze zwischen Europa und Asien dienlich zu seyn erachtet. (*) Zwar haben andere unter den Alten den Phasis in Minarelien davor angegeben wollen, (**) allein, da sie, was die südlichen Grängen von Europa betrifft, so übel nicht gewehlet haben möchten, so haben sie dennoch die östlichen Grängen damit unentschieden gelassen. Wäre ihnen der Lauf von der Wolga besser bekannt gewesen, so würden sie ihn zu ihrer Absicht viel bequemer gehalten haben. Man ist dießerts wegen bis jeto noch verschiedener Meinung, und ist es eine wohlgegründete Ungewisheit, da weder Teutsche, noch Engelländische oder Französische und andere Gelehrten so etwas auszumachen vermögend sind, sondern allein die Macht einer Grossen Kayserin solche Grängen in Ihrem Eigenthum

¶ 3 nach

(*) Scylax Caryandensis, Diodorus Siculus, Lycophron, Strabo, Pomponius Mela, Dionysius Periegeta, Claudius Ptolemaeus.
 (**) Aeschylus, Herodotus. Siehe auch Procopium de Bello Gothico l. IV. c. 6. p. 577. und Geographum Ravennatem p. 95. ed. Forch.

Рис. 7

Текст на древнем немецком языке (рис. 7):

sie dieselben vor den Scythischen Caucasus und folgendes den Fluß Jarartes, jetzo bey den Persern Gihun genant vor den Tanais. Wiewohl sie hierinnen sich sehr geirret, so ersiehet man doch aus diesem Bezeigen, daß sie einen Zug wieder die Scythen an dem Tanais vor viel rühmlicher gehalten haben müssen, als alle die herrlichen Siege, die sie über Persien befochten. Und deswegen haben auch die Alten den Tanais zur Gränze zwischen Europa und Asien dienlich zu sein erachtet. (*)

(*) Scylax Caryandensis, ... Diodorus Siculus, Lycophron, Strabo, Pomponius Mela, Dionysius, Periegeta, Claudius Ptolemaeus.

Текст на современном немецком языке:

sie an, so dass sie dem Fluß Jarartes folgen sollten, den die Persen damals Shun anstelle Tanais nannten.

Wie sehr sie sich geirrt hatten, ersieht man daraus, dass die Macedonier den Zug zu Scythen an dem Tanais viel rühmlicher als alle die herrlichen Siege, die sie über Persien befochten, gehalten haben mußten. Deswegen haben sie den Tanais zur Grenze zwischen Europa und Asien als dienlich zu sein erachtet. ()*

(*) *Scylax Caryandenfis, ... Diodorus Siculus, Lycophron, Strabo, Pomponius Mela, Dionysius Periegeta, Claudius Ptolemaeus.*

Перевод на русский язык:

как и прежде горы Индии, горы Кавказа встали на их пути и они продолжили свой поход вдоль реки Ярartes, которую персы называли Гихуном, прежде чем Танаисом.

С какими сложными препятствиями им пришлось столкнуться, становится очевидным, благодаря тому факту, что поход на скифов, проживавших на берегу Танаиса, они считали самым успешным по сравнению с их блестящими победами, одержанными над персами. Вследствие

чего македонцы признали Танаис границей между Европой и Азией.

(*) Скилак Кариандский, Диодор Сицилийский, Ликофрон, Страбон, Помпоний Мела, Дионисий Периегет, Клавдий Птоломей.

Таким образом, как показал перевод первоисточников немецких ученых XVII—XVIII вв. Российская империя привлекала как объект исследования и центр развития мировой науки. В их научных трудах можно увидеть положительный образ развивающего государства, который в кратчайшие сроки достиг значительных успехов во многих отраслях. Однако, данный образ формируется среди научных кругов и далек от простых европейцев, которые знакомятся в трудах с историей России, Петром Первым, но при этом мало получают информации о культуре языка и традициях. Перевод был осложнен тем, что источники были написаны готическим шрифтом, фрактурой, а также грамматика и лингвистика древнего языка, отличалась от современной.

Литература:

1. F. Weber. Das veränderte Russland [Текст] / F. Weber — Hannover: 1721. — S. 11–12
2. G. Bayer. Auszug der älteren Staatsgeschichte [Текст] / G. Bayer — St. Petersburg: Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1728. — S. 7–10
3. Петрова, В. А. Образ России в глазах немецких учёных [Текст] / В. А. Петрова // Политология. — Казань: Молодой учёный. — № 17. — 2019 — С. 187–191.

Научное издание

Филологические науки в России и за рубежом

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Оформление обложки Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 24.06.2019. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 9,4. Тираж 300 экз.

Издательство «Свое издательство». 199004, г. Санкт-Петербург, линия 4-я В. О., д. 5.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.